

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА

(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Институт/факультет Исторический факультет
(полное наименование института/факультета)

Кафедра Всеобщей истории
(полное наименование кафедры)

Направление 44.03.01 Педагогическое образование, магистерская программа Социально-историческое образование
(код ОКСО и наименование специальности)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
Зав.кафедрой Всеобщей истории
(полное наименование кафедры)

Е.Л. Зберовская
(И.О.Фамилия)

« _____ » _____ 2015 г.

Выпускная квалификационная работа

**РАБОЧАЯ ПОЛИТИКА КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Выполнил студент группы 26М группы
(номер группы)

Е.А. Кожанова
(И.О.Фамилия)

Форма обучения Очная

Научный руководитель:
к.и.н., доцент
С.И. Кангун
(ученая степень, должность, И.О.Фамилия)

С.И. Кангун 23.06.2015
(подпись, дата)

Рецензент
старший преподаватель
М.В. Эберхардт
(ученая степень, должность, И.О.Фамилия)

М.В. Эберхардт 23.06.2015
(подпись, дата)

Дата защиты _____

Оценка _____

Красноярск
2015

Оглавление

Введение	3
Глава I. Общеполитическая характеристика Англии середины XIX века	26
§1. Характеристика социально- экономического положения Англии первой половины XIX века	26
§2. Характеристика внутривполитического положения Англии первой половины XIX века.....	35
Глава II. Рабочий класс Англии в первой половине XIX века	43
§1. Положение рабочего класса в первой половине XIX века.....	43
§2. Борьба английского рабочего класса в защиту социально-экономических и политических прав	57
§3. Результаты борьбы рабочего класса к середине XIX века.....	78
Глава 3. Рабочее законодательство консервативной партии	94
§ 1. Идейная подготовка Б. Дизраэли к проведению рабочего законодательства.....	94
§2. Рабочее законодательство консервативной партии.....	106
Заключение	128
Список использованных источников и литературы	133

Введение.

Актуальность исследования.

В истории Англии XIX век – чрезвычайно насыщенный и неоднозначный период. Период правления королевы Виктории (1837-1901 гг.) называют викторианской эпохой. Это действительно отдельный, особо выделяющийся период в развитии Англии. За время пребывания у власти Виктории, страна не только укрепила лидирующие позиции в мировой экономической и политической сферах. Начавшаяся в конце прошлого столетия промышленная революция, за сравнительно небольшой для истории промежуток времени подготовила почву для глубоких изменений во всех сферах жизни страны - социальной, экономической, политической. Термин «перемены» стал символом той эпохи. Заняв монопольное положение в мировой торговле, обладая огромной колониальной империей, Англия быстро наращивала темпы накопления капитала, росло ее национальное богатство. В результате, уже в первой половине XIX века страна занимала лидирующее положение, не имея себе равных среди других стран. В то же время, под влиянием роста экономического могущества менялось соотношение социальных слоев населения, продолжалась борьба классов.

Переходный характер эпохи требовал новых подходов, как в текущей политике, так и в стратегическом видении дальнейших перспектив. Одной из наиболее острых проблем, стоявших перед Англией того времени был рабочий вопрос и создание трудового законодательства. К середине XIX века рабочий класс Великобритании составлял уже большую часть населения, и это было уникальной ситуацией в Европе. Поэтому, с ним уже нельзя было не считаться. В результате борьбы, которую вели рабочие начиная с эпохи промышленной революции, удалось добиться определенных результатов – появились определенные элементы фабричного законодательства, улучшились жилищные условия, благодаря чартистскому движению, удалось добиться 10 часового рабочего дня. Однако все это были лишь отдельные

элементы, и только во второй половине XIX века, а именно, в результате реформ 60-80-х годов, появляется систематическое рабочее законодательство.

Возникает вопрос, почему со второй половины XIX века не только либералы, но что наиболее интересно, консерваторы начинают активно проводить политику, направленную на рабочее законодательство. Хотя после 1832 года сами рабочие не получили избирательных прав, огромное значение теперь играла борьба за массового избирателя. Поэтому внимание, которое уделялось рабочему вопросу вытекало не только из того, что они составляли значительную часть населения и постоянно боролись за свои интересы, но и потому что стабильность политической системы теперь во многом зависела от того кому и как отдаст свои голоса рабочий класс. Консервативная партия, прочувствовав реалии времени, смогла перестроиться и направить реформирование в необходимое русло. В связи с этим, 60-80 годы представляется одним из интереснейших периодов изучения политики рабочего законодательства консервативной партии.

К сожалению, в российской историографии до сих пор существует мнение, что основная заслуга улучшения жизни рабочих, принадлежит либералам. В связи с этим недостаточно оценена роль консервативной партии в этом вопросе.

Поэтому, **объектом исследования** является политика правящих кругов Англии, проводимая во второй половине XIX века в области рабочего законодательства.

Предметом исследования стало место и роль консервативной партии в решении рабочего вопроса.

Целью исследования является выявление роли консервативной партии Великобритании в урегулировании рабочего вопроса во второй половине XIX века.

В рамках данной цели поставлены следующие **задачи**:

- Изучить политику консервативной партии в области социального и трудового законодательства;
- Сравнить рабочую политику консерваторов с рабочей политикой либералов;
- Рассмотреть какие реальные завоевания получил рабочий класс к концу XIX века;

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1859 – по 1880 годы, что обусловлено наибольшими достижениями консервативной партии в создании рабочего законодательства в этот период времени.

Методологическая основа исследования. Работа построена на принципах историзма и объективности, позволяющих оценить события как феномены конкретной исторической эпохи, взятые в контексте общеисторических событий и закономерностей своего времени, показывать взаимосвязь эволюционного и революционного направлений исторического процесса, исследовать явления в их постоянном развитии и видоизменении, понимая частные факты как отражение более общих закономерностей. Принцип объективности предполагает анализ предметов и явлений как феноменов объективной действительности, исследование, свободное от доктринальной или идеологической заданности и предвзятости. Так же используется системный подход, который, исходя из приоритета системного видения ситуации, позволяет рассмотреть различные аспекты деятельности консервативной партии в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Это в свою очередь позволяет не только создать целостную картину реформ, но и рассмотреть особенности, их взаимовлияния друг на друга.

В работе использован сравнительно-исторический метод, предполагающий сравнение и обобщение однородных исторических явлений, в частности при рассмотрении эволюции взглядов лидера консервативной партии – Б. Дизраэли. Так же был задействован междисциплинарный подход,

что обусловлено той стороной политической деятельности, постоянно связанной с законодательными актами, т.е. с правом.

Степень изученности темы.

В зарубежной историографии история Англии викторианского периода была подвергнута глубокому и всестороннему изучению еще современниками и очевидцами событий¹. Основное внимание уделялось проблемам социально-экономического и политического развития страны. Исследователей начинают привлекать проблемы общественной, интеллектуальной жизни викторианского общества, проблемы повседневности и быта. Сюда можно отнести Социальную историю Англии Д. М. Тревельяна², Д. Ливена – Аристократия в Европе в 1815- 1914³ и др. Тем не менее, специальных исследований по рассматриваемой проблеме нет.

В английской историографии, особенно среди историков торийского направления, традиционно имела место сильная тенденция к персонификации исторического процесса, изучению истории через жизнеописания государственных деятелей. Несомненный интерес представляют работы биографического жанра. Как и следовало ожидать, огромное количество работ создано о такой колоритной, глубоко своеобразной и противоречивой личности как Б. Дизраэли. Поэтому, в англоязычной историографии личности Дизраэли уделено достаточно много внимания, его жизни и деятельности посвящено огромное количество работ. Они отличались восторженностью в оценке заслуг Дизраэли перед государством, и

¹Мортон А.Л. История Англии. М., 1950; Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы. Т.1 . Эволюция партий и политических форм. СПб., 1903; Лавис Э., Рамбо А. История XIX века/ Под ред. Е.В. Тарле. 2-е, доп. и испр. изд-е. - М. 1938-1939. - Т. 4-6.

²Тревельян Д. М. Социальная история Англии. - М., 1959.

³Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815 – 1914. - СПб., 2000.

консервативной партией. Популярность Дизраэли была столь велика, что первые из его биографий были опубликованы еще при его жизни и в первые годы после смерти. Первой крупной биографией с привлечением большого количества источников стала работа, написанная сыном одного из ближайших помощников Дизраэли Джорджа Горста Харолдом⁴. Эта работа носит апологетический характер и на сегодняшний день она утратила свою практическую значимость.

Следует отметить, что до начала XX века, представители традиционных для английской исторической науки торийской и вигско-либеральной школ, несмотря на все свои различия, одинаково трактовали внешнеполитическую деятельность правительства консерваторов, совершенно не рассматривая их внутривнутриполитические акции.

Ситуация изменилась с выходом лучшей работы биографического жанра, посвященной Дизраэли, шеститомного труда ведущих работников редакции «The Times» Уильяма Монипенни и Джона Бакла⁵, который был опубликован в период с 1910 — по 1920 года. В английской историографии за Уильямом Монипенни закрепилась репутация одновременно и «источника и классика». Действительно, издание насыщено перепиской Дизраэли с самыми различными лицами, его речами в парламенте и другими ценными документами. Особенно полезными для исследования оказались первый и третий тома.

Большим плюсом работы Монипенни и Бакла так же является то, что авторы заново исследуют документы Дизраэли, используемые предыдущими биографами и приходят к выводу, что те опустили обсуждение некоторых

⁴ Gorst H.E. The Earl of Beaconsfield. L.. 1990.

⁵ Monypenny W. P., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield. - L., 1910 – 1920. - Vols 1 – 6.

спорных проблем и издали важные документы с существенными упущениями, которые они считали «смущающими» память Дизраэли⁶.

Хотя Монипенни в целом симпатизирует лидеру консервативной партии и консерваторам в целом, в его работе отсутствует предвзятость. Прежде всего, он порывает с «мифом тори». Это не значит, что автор принижает заслуги консерваторов и их лидера, Монипенни старается показать их деятельность с объективной стороны, без преувеличений. Лучшим доказательством этому является непредвзятая оценка деятельности главного противника Дизраэли – У. Гладстона.

Монипенни фундаментально изучил реформы, проведенные в социальной области в период премьерства Дизраэли. Помимо непосредственного отображения содержания реформ, автор обратил внимание на сопутствующие им процессы - межпартийную борьбу по рабочим вопросам, закулисные интриги вокруг законопроектов, затрагивавших наиболее острые проблемы в социальных сферах.

В период между мировыми войнами не вышло сколько-нибудь значимых работ, ощущается ослабление интереса к истории консервативной партии, так как внимание историков было приковано к молодой лейбористской партии.

После второй мировой войны интерес исследователей к викторианской эпохе значительно возрос. Еще одной ценной биографией Дизраэли считается работа крупнейшего специалиста по истории консервативной партии Роберта Блэка «Дизраэли»⁷, вышедшая в 1966 году, в которой автор так же приводит большое количество документов. Не довольствуясь наследием Монипенни и Бакла, автор провел большие архивные исследования и соответственно использует много свежих данных не только из архива самого

⁶ Monypenny W. F. The life of Benjamin Disraeli earl of Beaconsfield. - V. 1. - L. 1919. - P. 23.

⁷ Blake R. Disraeli. - L., 1966.

Дизраэли, но и из хранилищ королевской фамилии, куда долгое время доступ историкам был ограничен. Однако, он практически ничего не говорит о его роли в проведении реформ рабочего законодательства. Блэк отдает должное Дизраэли в том, что касалось его участия в выработке программы «демократического торизма», и превращения партии консерваторов в выразительницу интересов рабочих. Но, Блэк чересчур делает акцент на описании светской жизни Дизраэли, его взаимоотношениях с королевой Викторией. В результате, деятельность Дизраэли по вопросам рабочего законодательства на посту премьер-министра осталась за пределами этого исследования.

В XX веке стали появляться исследования, изучавшие отдельные проблемы общественно-политической деятельности консервативной партии. Среди таковых рассматривался вопрос об их социальной политике во время второго правительства 1874 – 1880 годов. По данной проблеме в зарубежной историографии нет единого мнения.

Часть историков считает, что проведенные консерваторами социальные реформы – это следствие давления рабочего класса, оказанного на власть имущих. Так, например английский историк П. Смит в своей монографии «Консерватизм Дизраэли и социальная реформа»⁸, на основе обширного фактического материала рассматривает эволюцию консервативной партии, ее реакцию на социально-экономические перемены и доказывает, что консерваторов нельзя считать идеологом и организатором социального реформирования, поскольку лидер тори не имел для этого ни соответствующей программы действий, ни желания каким-либо образом отождествить политику своей партии с интересами рабочего класса. Так же автор показал отношение к новым принципам существования

⁸ Smith: Disraelian Conservatism and Social Reform. - L.1967.

консервативной партии ее членов - от рядовых тори до представителей руководства.

Вслед за работой Смита вышел целый ряд работ по данной проблематике. Наибольший интерес представляет работа Б. Колемана «Консерватизм и консервативная партия Великобритании в XIX веке»⁹. Автор в целом разделяет точку зрения Смита о том, что, приступив к проведению реформ, консерваторы не имели программы их проведения, и, таким образом, они сумели решить лишь текущие социальные проблемы. Однако, по отношению к лидеру партии - Бенджамину Дизраэли, Б. Колеман считал, что он задумал провести социальные реформы еще на заре своей политической карьеры. В качестве доказательства он приводит его роман «Сибилл, или две нации», а так же многочисленные выступления в поддержку рабочего движения еще до серьезных должностей в парламенте.

Исследования появившиеся в английской историографии за последние годы убедительно доказывают, что интерес к викторианской эпохе, истории консервативной партии второй половины XIX в. ничуть не иссяк. Достаточно широко исследованы проблемы как общественно-политической жизни викторианской Англии в целом, так и деятельность консервативной партии в решении этих проблем.

Как видно, зарубежная историография ввела в научный оборот значительное количество новых документальных источников, прежде всего из частных архивов государственных деятелей, что было использовано в данной работе.

В *отечественной историографии* социально-политическая история Великобритании периода королевы Виктории была исследована не достаточно хорошо. Интерес к общественно-политическому развитию

⁹ В. I. Coleman. Conservatism and the Conservative Party in Nineteenth-Century Britain. - L. 1988.

Англии появился еще во второй половине XIX века. Это было связано со вниманием российских общественных деятелей к политическому опыту Великобритании, которая на тот момент была самой могущественной державой и считалась образцом общественного и политического устройства. Соответственно, появляются работы, посвященные социально-политической истории Англии.

Дореволюционное русское англоведение представлено рядом работ, авторы которых, в основном, уделяли внимание жизнеописаниям видных политических деятелей того времени, а также их влиянию на процесс реформирования основных институтов британской политической и социально-экономической жизни во второй половине XIX в. Однако внутривнутриполитические вопросы в подавляющем большинстве должным образом рассмотрены не были, и все работы на данном этапе, как правило, носили обзорный и, в какой-то степени, популярный характер¹⁰.

Но главной особенностью дореволюционного англоведения было то, что, историки умаляли роль консервативной партии в проведении реформ. Мижуев П.Г., в частности, считал, что дальше предвыборных обещаний консерваторы во главе с Дизраэли, будучи у власти, не пошли, направив все свои усилия на отвлечение народа от внутренних вопросов¹¹. С ним была солидарна историк Пименова Э.К, которая однако все же признавала роль

¹⁰ Бутми Е. Развитие государственного и общественного строя Англии. М., 1904; Быкова А.Ф. История Англии с XI в. до начала мировой войны. СПб., 1918; Дерюжинский В.Ф. Выдающиеся английские деятели XIX века. Характеристика Брайса. СПб., 1904; Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. СПб., 1909; Кареев Н.И. Общий курс истории XIX века. СПб., 1910; Мижуев П.Г. Политическая история Англии в XIX веке. СПб., 1908; Пименова Э. Политические вожди современной Англии и Ирландии. СПб., 1908; Тэн И. Очерки истории Англии. СПб., 1872.

¹¹ Мижуев П.Г. Политическая история Англии в XIX веке – Англия конца XIX – начала XX века. - СПб., 1908.

консервативной партии в решении рабочего вопроса – «консерваторы не провели ни одной сколько-нибудь важной внутренней реформы, за исключением законов о рабочих и некоторых частных реформ в области школьного дела, общественного здоровья и призрения».¹² Р.Ю. Виппер полагал, что консерваторы, вступив во власть, почти ничего не изменили в положении рабочих, и только dokonчили некоторые незавершенные реформы правительства Гладстона¹³. Единственным исключением был, пожалуй, историк Кареев, который возражал по поводу выводов Мижуева и считал, что в 1874-1875 гг. консерваторы сделали больше в политике рабочего законодательства, чем либералы¹⁴. По его мнению, тори приняли целый ряд мер, на которые не решались либералы. Более того, Кареев отмечал, что некоторые реформы правительства Гладстона были доведены до логического конца именно в период пребывания у власти консервативной партии.

В целом, можно говорить о том, что историки дореволюционного англоведения делали не совсем правильные выводы в отношении рабочей политики консервативной партии, заслуги которой они целиком и полностью приписывали либералам.

На протяжении всего советского периода внимание исследователей привлекали вопросы, связанные с революционными событиями. Исходя из политической конъюнктуры, основное внимание уделялось деятельности К. Маркса, Ф. Энгельса и I Интернационала, проблемам чартизма и рабочего движения в Великобритании в XIX в. Поэтому все вопросы, связанные с внутривнутриполитическими проблемами и отношением между партиями, рассматривались под данным углом зрения³. Советские историки также не рассматривали роль консервативной партии в решении рабочего вопроса, наоборот, всячески опровергали этот факт.

¹² Пименова Э.К. Политические вожди современной Англии и Ирландии. - СПб., 1904.

¹³ Виппер Р.Ю. Новая история 1500-1917. М.1918.

¹⁴ Кареев Н.И. Общий курс истории XIX века. СПб., 1910. - 298 с.

Среди работ 20-х годов особый интерес представляют труды известного отечественного историка и дипломата Ф.А. Ротштейна, который много лет прожил в Англии, и непосредственно принимал активное участие в английском рабочем движении. В своей монографии «Очерки по истории рабочего движения в Англии»¹⁵ он впервые в отечественной историографии осветил ряд проблем социальной политики британского правящего класса в 60-70-е годы XIX века. Вместе с тем реформаторская деятельность правительств этого времени рассмотрена автором крайне скупно. Не стоит удивляться, что основное внимание в работе уделено изучению положения рабочего класса в Великобритании, формам и методам борьбы английских рабочих за свои права и истории профсоюзного движения. Характеристика роли консервативной партии дается им очень кратко и в негативном ключе. Тем не менее, работа Ротштейна оставила заметный след в отечественном англоведении.

В послевоенное время отечественные англоведы значительно расширили масштабы своих исследований. В 1950-е — начале 1980-х гг. В.Н. Виноградов, Н.В. Емельянова¹⁶, Н.А. Ерофеев, Л.Е. Кертман, В.Ф. Кунина¹⁷, Ю.В. Кунец¹⁸, Б.А. Рожков, Л.Ф. Туполева¹⁹ и другие подвергли детальному исследованию наиболее важные проблемы истории рабочего движения в Великобритании в XIX — начале XX вв.: экономическое положение пролетариата, борьбу трудящихся за свои экономические и политические

¹⁵ Ротштейн Ф.А. Очерки по истории рабочего движения в Англии. 2-е изд. М.-Л.: Госиздат, 1925.

¹⁶ Емельянова Н.В. Англия и Парижская Коммуна. М.: Наука, 1981.

¹⁷ Кунина В.Э. К.Маркс и английское рабочее движение 1845-1883 гг. М.: Мысль, 1868.

¹⁸ Кунец Э.В. Новый этап борьбы тред-юнионов за легализацию (1872-1875 гг.) И Вестник МГУ. «История». 1975. № 2. С. 46-60.

¹⁹ Туполева Л.Ф. Социалистическое движение в Англии в 80-е годы XIX века. М.: Наука, 1973.

права, противостояние двух тенденций в рабочих организациях, общественно-политическую деятельность К. Маркса, Ф. Энгельса и I Интернационала на английской земле. Так, например Н.А. Ерофеев²⁰ и Л.Е. Кертман²¹ рассматривали отдельные аспекты партийно-политической истории, обращая внимание на организационное развитие партий, их реформаторскую деятельность, взаимоотношения рабочих избирателей с ведущими политическими силами в стране. Б.А. Рожков²², Т.А. Холопова и Воробьев²³ проявили интерес к борьбе рабочих за реформу избирательного права, особенностям отношений либерального правительства Гладстона и тред-юнионов, в связи с принятием профсоюзного законодательства. Также данные авторы изучили положение рабочего населения городов, условия их жизни и труда.

Вместе с тем, явно недостаточное внимание уделялось освещению борьбы консервативной и либеральной партий по различным моментам, в том числе и за влияние на добившихся к этому времени политических прав основных категорий трудящихся, практически игнорировались заслуги консервативной партии и ее руководства в деле социальных преобразований последней четверти XIX века.

В известной мере такое положение стало меняться с конца 80-х гг. XX века. Появились работы, отражающие отдельные аспекты партийно-

²⁰ Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815-1917. М: изд-во ИМО, 1959. - 236 с.

²¹ Кертман Л.Е. Борьба течений в английском рабочем и социалистическом движении в конце XIX начале XX вв. М: Высшая школа, 1962. - 112 с.

²² Рожков Б.А. Английское рабочее движение 1859-1864 гг. М.: Наука, 1973.

²³ Воробьев В.И., Холопова Т.А. Идеологическое воздействие английской буржуазии на рабочий класс в период завершения промышленной революции // Общественное движение и классовая борьба в странах Западной Европы и Америки в XIX- XX вв. Л.: ЛГПИ, 1979; Воробьев В.И. Особенности экономической борьбы английского рабочего класса на последнем этапе промышленной революции (1860-1873 гг.). Л.: ЛГПИ, 1981.

политической истории Великобритании второй половины XIX в. рассмотренные в монографиях и статьях К.Б. Виноградова²⁴, А.А. Галкина, С.А. Колмакова²⁵, М.Н. Лукьянова, О.А. Науменкова, П.Ю. Рахшмира, В.В. Сергеева, В.Г. Трухановского, И.М. Узнародова и др. Так, интересные соображения об идейно-теоретических установках консервативной партии содержатся в обзорно-обобщающем труде А.А. Галкина и П.Ю. Рахшмира. Внутриполитической деятельности британских правительств, в том числе политике по отношению к рабочему классу, посвящены работы О.А. Науменкова и И.М. Узнародова. Интерес представляют посвященные Б. Дизраэли работы В.Г. Трухановского; причины трудностей британского консерватизма в 1850-х - 1860-е гг. четко вскрыты в статье К.Б. Виноградова и В.В. Сергеева, посвященной лидеру вигско-либерального режима Пальмерстону²⁶.

В 1987 году появилась работа А.А. Галкина и П.Ю. Рахшмира, посвященная эволюции британской консервативной партии²⁷. В монографии были представлены интересные соображения об идейно-теоретическом багаже консерваторов. Рассматривая их реформаторскую деятельность, они отмечали, что реформирование рабочего законодательства началось с перестройки консервативной партии на новые идейные рельсы.

Внутренняя политика консервативной партии в конце 60-х годов XIX века хорошо проанализирована в работах О.А. Науменкова²⁸. Автор

²⁴ Виноградов К.Б. Мировая политика 60-80-х годов XIX века: события и люди. Л., 1991.;

²⁵ Колмаков С.А. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 80-е годы XIX века. М.: изд-во МГУ, 1985.

²⁶ Виноградов К.Б., Сергеев В.В. Лорд Пальмерстон. Жизнь и политическая деятельность // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 154-176.

²⁷ Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1987.

²⁸ Науменков О.А. Социальная политика консервативного правительства Дизраэли (1874-1876 гг.) // Очерки политической истории Великобритании. - Ростов-н/Д, 1992.

показывает процесс поворота консервативной партии во главе с Б. Дизраэли к социальным проблемам, и доказывает, что включение социальной тематики в предвыборную программу тори, сыграло немаловажную роль в их победе на выборах в 1874 года.

Науменков обращает внимание на формирование отношения консерваторов к проблемам здравоохранения, начального образования, трудовых отношений, а также рассматривает взаимоотношения консерваторов с представителями алкогольного бизнеса, которые оказали их партии значительную материальную и моральную поддержку во время избирательной кампании. Также в своих работах он отмечает роль лидера партии – Б. Дизраэли в выработке принципов «демократического торизма», на основании которых в дальнейшем строилась политика консервативной партии²⁹.

В коллективной монографии под редакцией Г.С. Узнародова «Викторианцы: столпы британской политики XIX века»³⁰, вышедшей в 1996 году, рассказывается о жизни и политической карьере плеяды знаменитых политиков XIX века. Очерк, посвященный Дизраэли, был написан О.А. Науменковым, где автор не только рассматривает основные эпизоды жизни своего героя, но и воссоздает широкую историческую картину второй половины XIX века. В заслугу правительству Дизраэли ставится осуществление целого ряда реформ в социальной сфере, которые были необходимы обществу на тот момент времени. Самому Дизраэли Науменков отдает должное в том, что касалось его стремления подготовить торизм к

²⁹ Науменков О.А. Консервативная партия и проблемы развития начального образования в Великобритании во второй половине 1860-х годов // Борьба идей в меняющемся мире: актуальные проблемы политики и идеологии XIX-XX веков. - Уфа, 1993.

³⁰ Викторианцы: столпы британской политики XIX века/ Отв. ред. И.Мю Узнародов. – «Экспертное бюро».- Ростов н/Д., 1996.

сотрудничеству с рабочим движением. Много внимания уделяется фактам общеанглийского значения.

Вообще, отношение к консервативной партии в нашей стране очень хорошо можно проследить по учебным пособиям для ВУЗов. Так, например, в учебнике по Новой Истории Галкина и Застенкера за 1973 г., им дается характеристика партии, «умевшей прикрывать агрессивную завоевательную политику показной социальной политикой»³¹. Однако в учебнике, вышедшем в 2005 году под редакцией Р.А. Чикалова, И. Р. Чикаловой, консерваторам дается характеристика политиков, признававших «необходимость решения социальных проблем путем создания для буржуазии благоприятной рыночной конъюнктуры и дополнительных источников сверхприбыли, которые могли бы обеспечить высокий уровень занятости, повышения заработной платы работников»³². В учебнике под редакцией И.М. Кривогуза «Новая история Европы и Америки»³³, вышедшем в 2002 году, целый параграф, написанный историком В.Н. Виноградовым, посвящен характеристике политической деятельности двух личностей – Бенджамина Дизраэли и Уильяма Гладстона. Политика Дизраэли рассматривается как прогрессивная, автор отмечает, что парламентская реформа 1867 года была проведена радикальнее, чем того ранее требовали либералы.

Поэтому, сталкиваясь с работами 60-70-х годов, и даже вплоть до распада Советского Союза, необходимо учитывать господствовавшие идеологические представления в стране.

³¹ Новая история, 1870-1918. Под ред. И.С. Галкина, Н.Е. Застенкера, В.М. Хвостова. - М. 1973. - С. 78.

³² Новая история стран Европы и США 1815-1918 гг. Р. А. Чикалов, И. Р. Чикалова. - Высшая школа, 2005. - С.235.

³³ Новая история стран Европы и Америки: Учебю для вузов/ И.М. Кривогуз, В.Н. Виноградов, Н.М. Гусева и др.; Под ред. И.М. Кривогуза. – 3 изд., испр. – М.: Дрофа, 2003.

Единственной работой, посвященной лорду Биконсфилду, до 1993 года оставалась переведенная в 1934 году с французского языка работа Андре Моруа «Карьера Дизраэли»³⁴. И для большинства читателей знания о нем ограничивались парой фраз из учебника по истории, где он был представлен не в лучшем свете.

То, что система влияла на оценку политики зарубежных политических деятелей наглядно показывает исследовательская деятельность академика В. Г. Трухановского. Так, давая оценку деятельности Дизраэли в Советской исторической энциклопедии, автор статьи писал: «Дизраэли провел в 1867 году избирательную реформу, которая увеличила число избирателей почти вдвое. Этим шагом Дизраэли, в частности, стремился создать популярность партии тори и поднять свой личный престиж»³⁵. В целом, содержание статьи делает акцент на негативных сторонах политики консервативной партии, «рассчитанной на обман масс»³⁶. Но такая характеристика присуща не только лидеру консервативной партии Бенджамину Дизраэли. У Трухановского был так же ряд крупных работ, написанных в советское время, посвященных адмиралу Нельсону³⁷ и Уинстону Черчиллю³⁸, носящие такой же негативный оттенок в оценке политиков.

Однако, уже в 1993 году вышла работа Трухановского - «Бенджамин Дизраэли, или история одной невероятной карьеры»³⁹. Работа появилась уже в то время, когда политическая обстановка изменилась, поэтому и оценки деятельности консерваторов так же, кардинально изменились. Так, он уже не считает избирательную реформу 1867 г. как акт поднятия собственного

³⁴ Моруа А. Карьера Дизраэли. - М. 1934.

³⁵ Советская историческая энциклопедия — Т.5. - С. 198.

³⁶ Там же. - С. 199.

³⁷ Трухановский В.Г. Адмирал Нельсон. – М.: Наука, 1980.

³⁸ Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. – М.: Наука, 1982.

³⁹ Трухановский В.Г. Дизраэли или история одной невероятной карьеры. - М., 1993.

престижа, а говорит о том, что Дизраэли был первым, кто осознал необходимость либеральных реформ. Трухановский дает биографию Дизраэли на фоне тех событий, которые происходили в Англии во второй половине XIX в. Особо интересен в этом плане описание его романа - «Сибилл или две нации», в которой он одним из первых обратил внимание на расслоение в английском обществе и просил принять меры, чтобы уменьшить это расслоение, иначе оно грозит социальным взрывом. Работа Трухановского подробно освящает эти моменты.

Тем не менее, оценка работы Трухановского представляется несколько преувеличенной. Несомненно, она более научная по сравнению с работой Моруа, и включает в себя большее количество фактов из политической деятельности Дизраэли. Но по сути, не вносит ничего нового по сравнению с работой британского биографа Уильяма Монипенни. Трухановский во многом повторяет его по структуре, и вряд ли можно говорить, что он ввел в оборот новые научные факты.

Написанию этой монографии предшествовала статья Трухановского, затрагивающая проблему взаимоотношений Дизраэли и королевы Виктории, а также посвященная личности самого премьер-министра⁴⁰. Автор рассматривает процесс установления дружеских отношений между Викторией и Дизраэли. Помимо этого, Трухановский представляет Дизраэли, как прародителя консервативной партии в том виде, в котором она без «особых изменений существует на протяжении последних полутора столетий»⁴¹. Он рассматривает сформулированные им принципы «демократического торизма» и идеи по поддержанию и укреплению роли монарха, которые полностью разделялись королевой Викторией, и считает,

⁴⁰ Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли и королева Виктория // НИИ. 1990. № 4. - С. 138-153; № 5. - С. 145-155.

⁴¹ Там же. – с. 147.

что именно они позволяют консерваторам до сих пор в различных ситуациях добиваться власти и сохранять ее в своих руках⁴².

На сегодняшний день, несмотря на снятие идеологических ограничений, и вообще, бурное развитие направления в целом, в отечественной историографии мало работ, посвященных деятельности консервативной партии в области рабочего законодательства.

На наш взгляд, это вызвано отчасти тем, что интерес исследователей привлекают более поздние периоды истории консервативной партии, в частности, деятельность таких личностей как Д. Ллойд-Джордж, У. Черчилль, М. Тэтчер.

В целом, можно наблюдать некоторые положительные тенденции. Во-первых, изменились сами подходы в исторической науке. Находясь в тесном контакте с западом, идеи постепенно проникают и в российские работы. Если раньше, основные заслуги проведения реформ приписывали либеральной партии, то теперь все большее внимание уделяется роли консерваторов и признаются их заслуги. Мы можем говорить о том, что на сегодняшний день есть научные биографии о деятелях тори, есть издания научно-популярного жанра, есть общие работы, в которых Э. Дерби и Б. Дизраэли уделено больше внимания, чем раньше уделялось в работах общего характера.

Тем не менее, в силу названных выше причин, задача исследования роли консервативной партии в проведении реформ в области рабочего законодательства — это задача, которую еще предстоит решать.

Источниковую базу исследования можно разделить на несколько групп. К первой группе можно отнести документы официального характера. В данном исследовании были привлечены такие законодательные акты, как акты о народном представительстве 1832⁴³ и 1867 годов⁴⁴, а так же ряд актов,

⁴² Там же. – с. 139-144.

⁴³ Акт о народном представительстве. 1832 год// Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран /Под ред. З.М. Черниловского. - М., 1984 г. - С. 168 – 170.; The

касающихся урегулирования рабочего вопроса – акт о тред-юнионах 1871 года⁴⁵, акт 1876 года изменяющий акт о тред-юнионах 1871 года⁴⁶ и акт о заговорах и защите собственности 1875 года⁴⁷. К официальным источникам также можно отнести так называемые «The Annual Register», освещавшие программные установки политических лидеров, проекты бюджетов, финансовые отчеты⁴⁸.

Вторую группу источников составили стенографические отчеты заседаний палаты Общин и палаты Лордов, с которыми удалось ознакомиться на официальном сайте британского парламента⁴⁹. Ресурс дает возможность проследить дебаты по тем или иным вопросам на протяжении всего XIX века. Парламентские дебаты содержат богатый материал по всем аспектам внутривластного развития Великобритании в 60-е - 80-е гг. XIX в., хорошо иллюстрируют межпартийную и внутривластную борьбу, показывают процесс выработки внутривластного законодательства. Кроме того, в ходе дебатов между либералами и консерваторами ораторы давали нелестную оценку действиям своих противников.

Третью группу источников составили статьи и рецензии К. Маркса и Ф. Энгельса. Они уделяли особое внимание развитию капитализма в Англии, следили за перипетиями внутривластной жизни, чутко реагировали на новые процессы и события. Поэтому их работы важны для раскрытия данной

Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. – L. 1832 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://books.google.ru/books?id=Uq0uAAAAIAAJ&pg=PA154&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

⁴⁴ Акт о народном представительстве. 1867 год// Там же. - С. 170 – 172.

⁴⁵ Акт о тред-юнионах. 1871 год// Там же. - С. 114.

⁴⁶ Акт 1876 года, изменяющий акт о тред-юнионах 1871 года// Там же. - С.116.

⁴⁷ Акт о заговорах и защите собственности. 1875 год// Там же. - С. 119.

⁴⁸ The Annual Register for the Year 1853 - 1866. L., 1854-1867.

⁴⁹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/>

темы. В своих статьях они отмечали глубокие противоречия, присущие олигархическому строю Англии 50-60-х гг. XIX в., несоответствие устаревшей политической системы экономическому развитию страны, вырождение традиционных парламентских партий. Конечно, теоретики классово-формационного подхода многие проблемы анализировали именно под этим углом зрения. Вместе с тем работы К. Маркса и Ф. Энгельса помогают уяснить многие тонкости парламентской борьбы тех лет. Отметим, что Маркс зачастую сам присутствовал на многих заседаниях парламента, не довольствуясь стенографическими отчетами⁵⁰.

К четвертой группе источников можно отнести материалы биографического характера⁵¹. Благодаря шести томной работе Монипенни⁵², включившей в себя большое количество публичных выступлений Дизраэли, можно составить представление об эволюции взглядов Дизраэли касемо рабочего законодательства, а так же изменение политических взглядов на протяжении его политической карьеры. В данной работе его выступления использовались в частности для сопоставления взглядов, выражаемых в оппозиции и затем как они менялись, когда Дизраэли входил в действующее правительство.

Пятую группу источников составили так же письма. В данном случае, ценным источником послужила работа Монипенни и Кэббэла⁵³. Круг

⁵⁰ Маркс К. Последнее английское правительство // Собр. соч. Т. II. С. 21-27; Британская конституция // Указ. соч. Т. 11. С. 99-102; Пальмерстон и английская олигархия // Указ. соч. Т. ПС. 95-98; *Он лее*. Падение министерства Абердина // Указ. соч. Т. 11. С. 32-38; Лорд Пальмерстон // Указ. соч. Т. 11. С. 61-67 и др.; Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Указ. соч. Т. 2. С. 213-517.

⁵¹ Monypenny W. F. The life of Benjamin Disraeli earl of Beaconsfield. - V. 1. - L. 1919; Blake R. Disraeli. - L., 1966.

⁵² Monypenny W. P., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield. - L., 1910 – 1920. - Vols 1 – 6.

⁵³ Selected speeches, ed. by T.E. Kebbel. - L. 1882.

корреспонденции был довольно обширен, начиная с политиков, заканчивая письмами членам семьи. Благодаря им обнаруживаются истинные мотивы действий лидера консервативной партии Дизраэли. Так же были использованы личные письма королевы Виктории⁵⁴.

Структура работы состоит из введения, трех глав и заключения, а так же из списка использованных источников и литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы, обозначены объект, предмет, цель и задачи, определены хронологические рамки и методологические основы работы, раскрыта степень изученности данной темы в зарубежной и отечественной историографии, рассмотрена источниковая база.

Первая глава «Общеполитическая характеристика Англии середины XIX века» посвящена анализу обстановки, предшествующей началу реформирования консервативной партии в области рабочего законодательства. Рассматривается влияние промышленного переворота на политическую и социальную структуру общества, а так же, дается подробное освещение наиболее острых проблем рабочего класса.

Во второй главе «Рабочий класс Англии в первой половине XIX века» дается характеристика рабочего класса и состояния рабочего законодательства к середине XIX века. К этому времени рабочий класс уже составлял большинство населения, и рабочие Англии уже имели определенные завоевания, они имели профсоюзы, уже к 60 годам образовался британский конгресс. Однако нерешенными оставались многие проблемы, что и обусловило политику дальнейшего реформирования.

Третья глава «Рабочее законодательство консервативной партии» раскрывает особенности позиции и роли консервативной партии в

54. Дневники королевы Виктории. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.queenvictoriasjournals.org

реформировании рабочего законодательства. В частности, рассматривается улучшение условий труда, политика здравоохранения.

В заключении подводятся итоги работы, излагаются основные выводы исследования.

Практическая значимость исследования заключается в том, что с начала XXI века в отечественной историографии нет новых работ, посвященных роли в консервативной партии Великобритании в проведении рабочего законодательства. В связи с этим, материалы работы могут быть использованы как в общих, так и в специальных курсах по истории Великобритании XIX в.

Данная работа впервые была **апробирована** на XIV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века».

Глава 1. Общая характеристика Англии первой половины XIX века

§ 1. Характеристика социально-экономического положения Англии первой половины XIX века.

Викторианская эпоха - один из самых значимых и удивительных по событийности периодов английской истории. Термин «перемены» стал символом того времени. Они затронули абсолютно все стороны жизни общества и поражали своим размахом и глубиной. Это были и технологические, и демографические сдвиги, изменение мировоззрения людей, изменения в политической и социальной системе. В начале XIX века английская монархия находилась в состоянии упадка. Это было вызвано главным образом разложением и аморальным поведением правящей ганноверской династии. Но в ночь на 20 июня 1837 года скончался Вильгельм IV и королевой стала его 18-летняя племянница Виктория. Так в истории Англии началась новая эпоха. Период правления королевы Виктории стал переходной стадией, по завершении которой Великобритания из страны с огромным количеством полуфеодалных пережитков превратилась в развитое индустриальное демократическое государство.

Само время благоприятствовало возвышению страны. Для Британии XIX век начался победой над Францией в союзе с Россией. Победив своего главного соперника, английские господствующие классы извлекли для себя большие выгоды. Вытеснив французские товары, перед Англией открылись новые рынки сбыта продукции, а значит и неограниченные возможности как в торговле, так и в захвате новых колониальных владений. Венский конгресс закрепил за Великобританией значительную часть завоеванных территорий. Франция была окончательно вытеснена из Индии, спорные княжества – Бенгал, Хайдарабад и Карнатик стали английскими владениями. Кроме того, Англия получила важные в экономическом положении острова – Тобаго и Санта Лючия в Вест-Индии, а так же остров Маврикий в Индийском океане,

таким образом закрепив за собой монопольное положение поставщика сахара в Европу⁵⁵. Все эти факторы способствовали становлению к началу XIX века промышленной, финансовой и колониальной монополии Англии. Это сделало ее самой богатой державой того времени.

К началу 30-х годов XIX века промышленный переворот в Англии вступил в завершающую фазу, в результате чего фабричное производство возобладало над ручным трудом практически во всех сферах производства, а к середине XIX века уже полностью преобладало в машиностроении и в тяжелой промышленности. Как писал современник: «Ранее, распространение машин ограничивалось одной отраслью производства, главным образом текстильным делом. Ныне идет применение механических приспособлений почти ко всем процессам, которые до сих пор требовали тонкого обращения человеческой руки»⁵⁶. В то же время, автор высказывал предположение, что если развитие технологического прогресса и дальше будет идти теми же темпами, то машинный труд вскоре и вовсе заменит человека⁵⁷.

Так, например, производство металла за 1810-1830-е года увеличилось с 250 до 680 тыс. тонн⁵⁸. Добыча каменного угля с 1820 по 1830 год возросла с 12,5 до 15 млн. тонн⁵⁹. Успехи производства повлекли за собой увеличение экспорта, вывоз продукции из Англии на внешние рынки вырос за 1830 – 1849 года более чем в 4 раза⁶⁰. Более того, росла сеть железных дорог. Уже в

⁵⁵ Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX века. – М., 1977. - С. 3-4

⁵⁶ Айзенштадт М.П. Британия Нового времени. Политическая история: учебное пособие / М.П. Айзенштадт. – М., КДУ, 2007. С 55.

⁵⁷ Викторианцы: столпы британской политики XIX века/ Отв. ред. И.Мю Узнародов. – «Экспертное бюро».- Ростов н/Д., 1996. С. 6.

⁵⁸ Там же. С. 5.

⁵⁹ Там же. С. 8.

⁶⁰ Викторианцы: столпы Британской политики XIX века/ Отв. ред. И.М. Узнародов. – «Экспертное бюро». – Ростов н/Д, 1996. С.44.

1849 году общая протяженность железнодорожных путей составляла 9,5 тыс. километров⁶¹. Все это способствовало развитию британской промышленности и торговли, так как появилась возможность быстрой связи между отдельными районами Англии, тем самым, завершалось формирование внутреннего рынка страны.

К середине XIX века в Англии, промышленный переворот вступил в свою завершающую стадию. Начавшийся в последней трети XVIII века технический переход от ручного труда к фабричному, теперь принял характер массового внедрения станков и механизмов в различных отраслях промышленности. Победа техники над ручным трудом означала развитие крупного фабричного производства, что повлекло за собой интенсивное строительство новых фабрик. Так, например, в Манчестере, в период с 1823 – по 1826 года было построено 20 фабрик⁶². Ведущую роль играла хлопчатобумажная отрасль, для которой был характерен быстрый рост числа фабрик. В след за ней фабричная организация труда проникла в обработку шерсти, шелка и льна. К середине XIX века крупное фабричное производство окончательно господствовало в машиностроении и тяжелой промышленности. Это увеличило темпы производства, что влияло не только на внутренний рынок, но и позволило Великобритании выйти на лидирующие позиции в международной торговле, оставив позади США, Францию и Германию.

Важную роль в экономическом господстве Англии сыграло железнодорожное строительство. Первая железная дорога начала действовать в 1825 году⁶³. Вскоре страну охватила железнодорожная лихорадка. Везде строились рельсы, прокладывались новые маршруты. Началось

⁶¹ Сабо Е.Р. Революция машин. История промышленного переворота. - Будапешт, 1979. - С. 120.

⁶² Травельян Д. М. Социальная история Англии. - М., 1959. С. 196

⁶³ Там же. С. 202.

строительство стационарных зданий для удобства пассажиров. В 1844 году члены парламента, еще двадцать лет назад смеявшиеся над идеями инженеров и голосовавшие против них, с воодушевлением одобрили закон, обязывавший каждую железнодорожную компанию ежедневно отправлять в прямом и обратном направлении по крайней мере один состав. Поезд должен был идти со скоростью не меньше 12 миль (91 км) в час, останавливаться на каждой станции и перевозить пассажиров третьего класса за плату в размере один пенни за каждую милю⁶⁴. Законодателям на столько понравились поезда за удобство, скорость и точность, что они предпочитали ездить в свои избирательные округа исключительно по железной дороге⁶⁵.

В 1849 году протяженность железнодорожных путей составляла уже 9,5 тысяч километров⁶⁶. Железнодорожный транспорт оказывал влияние на всю промышленность страны. Новые пути строились на средства Англии, из британского железа, а сами паровозы топили британским углем. Не экспортируя зарубежное сырье, это делало перевозки дешевыми, что позволило связать отдельные районы Британии и завершить формирование внутреннего рынка. Поезда, уходящие из Лондона во все концы страны стали символом новой жизни.

Поэтому, можно говорить, что в 50-60-е гг. Англия занимала уникальное положение, являясь центром мирового хозяйства и торговли. Лондонская промышленная выставка 1851 г. поразила современников достижениями британской промышленности. Монополия на мировом рынке, в морском судоходстве, финансах, обладание колониальной империей содействовали ускорению темпов накопления капитала, росту национального

⁶⁴ Викторианцы: столпы Британской политики XIX века/ Отв. ред. И.М. Узнародов. – «Экспертное бюро». – Ростов н/Д, 1996. С.12.

⁶⁵ Там же. С. 14

⁶⁶ Новая история, 1870-1918. Под ред. И.С. Галкина, Н.Е. Застенкера, В.М. Хвостова. - М. 1973. С. 143

богатства. Национальный доход с начала 50-х по конец 70-х годов, увеличившись почти на треть, достиг 1 млрд ф.ст.⁶⁷, что сказалось на росте доходов населения.

Экономическое процветание не могло не сказаться на социальной сфере, в стране произошел демографический взрыв. В целом, население Великобритании к середине XIX века составляло примерно 13 млн. человек⁶⁸. В результате произошло перераспределение населения. Сельская Англия превращалась городскую, и уже в начале 30-х годов XIX века примерно половина населения страны проживала в городах. Крупными районами стали северо-западные территории Англии, Южный Уэльс, а также побережье между реками Форс и Клайд. Такие города, как Бирмингем, Шеффилд, Ливерпуль, Манчестер, Лидс, Глазго увеличились вдвое. Например население Манчестера, центра хлопчатобумажного производства, с 1801 – по 1821 год увеличилось на 67%⁶⁹, а к 1841 году это число удвоилось. Так же выросло количество жителей Лондона, к началу 50-х годов XIX века оно выросло с 865 тыс. до 2,5 млн.⁷⁰

В первую очередь росло промышленное население: к 1851 году оно составляло уже около 43%⁷¹. Кроме того, начался массовый процесс пролетаризации ремесленников и мелких фермеров. К середине XIX века их насчитывалось 5 млн., и они составляли большинство населения страны⁷².

⁶⁷Там же. С. 156

⁶⁸ Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли, или история одной невероятной карьеры. – М.: Наука. 1993. - С. 76.

⁶⁹ Ерофеев. Н.А. Очерки по истории Англии.1815-1917. М., изд-во ИМО, 1959. С. 22.

⁷⁰ Ерофеев Н.А. Указ. соч. – С.5.

⁷¹ Давидсон – Сесиль Родс и его время. – М.: Наука, 1984. С. 132.

⁷² Ерофеев – Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825 – 1853. – М.: Наука, 1982. С. 29.

Изменения такого масштаба не могли сохранять прежнее соотношение классовых сил. Переход к промышленному производству вызвал к жизни появление фабричных и заводских рабочих. Их количество резко возросло за счет мелких ремесленников и рабочих мануфактуры. Начался переизбыток, в связи с чем рабочая сила становилась дешевой. В результате, заработная плата уменьшалась, а рабочий день увеличивался. Так, предприниматель мог устанавливать рабочий день по 18, а иногда и по 20 часов в сутки⁷³. На фабриках царил никем не ограниченный произвол. Ситуация осложнялась экономическими кризисами, приходившимися на первую половину XIX века. И если вначале они были преимущественно торговыми, то с 1825 года они превратились уже в циклические и распространялись на все сферы экономики. Многие тысячи англичан жили в трущобах в ужасной нищете, погибая от голода⁷⁴. Все это обостряло классовые противоречия. Но пролетариат на тот момент еще не осознавал себя как класс. Бывшие крестьяне и ремесленники все еще надеялись вернуться на землю. Ситуация осложнялась так же тем, что рабочим были запрещены любые объединения и в целях защиты своих интересов рабочие использовали старые цеховые союзы – тред-юнионы. Но постепенно они превращались в мощное орудие борьбы. Нередко вспыхивали стачки. Ситуацию подогревало то, что к рабочим присоединялись радикально настроенные элементы из других социальных слоев, и прежде всего, это была торговая и промышленная буржуазия.

Успехи в экономической сфере выдвинули на первый план средний класс. Как группа, осознающая свое отличие от других социальных групп, он появился еще в середине XVIII века, хотя термин был впервые введен в

⁷³ Трухановский В.Г. Указ. соч. - С. 77.

⁷⁴ Там же. - С. 77-79.

оборот лишь в период наполеоновских войн. Но именно с промышленной революцией связано оформление социальной идентичности среднего класса.

К 1831 году к этой категории относилось около 100 млн. мужчин, что составляло 18% всего работающего населения⁷⁵. Но затем происходит увеличение среднего класса среди лиц, занятых профессиональной и предпринимательской деятельностью. Так, в Англии и Уэльсе с 1831 по 1851 год, число людей, занимающихся юриспруденцией выросло с 32 до 39 тыс. человек, медициной — с 60 до 73 тыс., людей, связанных с образованием - с 95 до 135 тыс., церковью — с 31 до 44 тыс., с искусством и развлечениями - с 25 до 38 тыс., с литературой и наукой — с 2 до 7 тыс., с коммерцией - с 592 до 957 тыс., служащих в органах государственной власти и местного самоуправления - с 52 до 73 тыс.⁷⁶.

Эти виды деятельности являлись основными сферами занятости среднего класса, но экономически он не был однороден. В викторианскую эпоху социальным выражением принадлежности к разным группам среднего класса являлось количество домашней прислуги. Найм одного человека означал нижнюю границу среднего класса и доход не менее 70-100 ф.ст. в год. Найм как минимум трех человек означал принадлежность к средней группе среднего класса и доход не менее 500 ф.ст. в год. Тогда как те, кто относился к высшей группе, старались нанять штат прислуги, чтобы обозначить свое положение в социальной структуре⁷⁷.

Уже к началу XIX века верхушка среднего класса начала составлять серьезную конкуренцию аристократии. Данные из статистических таблиц У.Д. Рубинштейна, касающиеся личных состояний показывают, что аристократия начинает терять свое превосходство в обладании

⁷⁵ Айзенштадт М.П. Британия Нового времени. Политическая история: учебное пособие / М.П. Айзенштадт. – М., КДУ, 2007. - С.24.

⁷⁶ Там же. – С. 28.

⁷⁷ Там же. – С. 33.

материальными средствами. Исследователь приводит список 40 крупнейших состояний Великобритании. В качестве критерия были выбраны семьи, чей доход за 1809 – 1914 год составил 2 и более млн. ф.ст. Из этого списка лишь четыре принадлежало старой аристократии, остальные – это представители среднего класса, имеющие отношение к лондонскому Сити⁷⁸. Можно сделать вывод, что в XIX веке большая часть богатейших людей была связана с предпринимательством.

Но верхушку власти в начале XIX века составляли представители аристократии. Теряя экономическое лидерство, тем не менее, более богатые члены земельной элиты были выше по своему социальному статусу и не хотели терять еще и его.

В XIX веке под аристократией, или нобилитетом, обычно понимались лица, обладавшие наследственным титулом и закрепленными правами, такими как право получать аудиенцию у монарха, право быть судимым только судом равных. То есть границы этого слоя прослеживаются достаточно четко и основываются, главным образом, на юридически закрепленных привилегиях. Однако, доступ к верховной власти имели далеко не все представители этого класса. Земельная аристократия включала в себя пять категорий пэрства - герцогов, маркизов, графов, виконтов, баронов и их семьи. К 1851 году в стране насчитывалось 580 пэров, из которых 431 были наследственными членами палаты лордов благодаря обладанию пэрскими званиями Соединенного Королевства. Сюда так же следует отнести 7 женщин, имеющих титул пэра в своем праве, и 41 шотландского и 101 ирландского пэра, которые не имели возможности заседать в палате лордов из-за того, что у них не было титулов Соединенного Королевства⁷⁹. Так же, сюда входили баронеты - лица, обладавшие титулом, но не имевшие

⁷⁸ Blake R. Disraeli. - L., 1966. – P. 67.

⁷⁹ Ерофеев. Н.А. Очерки по истории Англии.1815-1917. М., изд-во ИМО, 1959. – С. 19.

права заседать в палате лордов. В 1851 году их насчитывалось 856 человек⁸⁰. Тем не менее, эта группа являлась наиболее привилегированной частью аристократии.

В то же время, если раньше самыми богатыми людьми были лендлорды, то теперь все основные ресурсы стали концентрироваться в руках промышленников и торговцев, которые хотели играть более заметную роль в управлении страной. Поэтому, развитие индустрии вынудило прежних хозяев страны - лендлордов, потесниться, так как ничтожность политической роли буржуазии уже не могла соответствовать ее экономическому могуществу и растущим претензиям.

Таким образом, бурное развитие промышленности породило новые социально-экономические условия, которые шли в разрез с политической системой Англии. Возникало два узла социально-политической напряженности. С одной стороны, ничтожность роли буржуазии в политической жизни Англии не могла соответствовать ее экономическому могуществу. С другой стороны, движения рабочих, доведенных до отчаянного положения растущей эксплуатацией, создавало опасность подорвать основы страны. Борьба буржуазии за обретение политической власти путем завоевания представительства в палате общин и борьба трудящихся за улучшение условий жизни и труда так же путем получения представительства в парламенте, сливались в единое движение за реформирование избирательного права.

§ 2. Характеристика внутривполитического положения Англии первой половины XIX века.

⁸⁰ Там же. С. 22.

В начале XIX века все высокие посты на государственной службе занимала аристократия. Такое положение вещей не устраивало буржуазию. Это можно отнести к специфике времени, когда в среде имущих классов небыло единства.

Промышленники были недовольны таможенной и экономической политикой. Ряд продукции облагался пошлинами, что приводило к удорожанию производства, а следовательно, и себестоимости товаров. Так же таможенное обложение действовало на ряд товаров, вывозимых из Англии. Буржуазия требовала отмены этих пошлин, чтобы облегчить выход товаров на мировые рынки. Так же, они были недовольны стеснениями промышленной и торговой деятельности монополиями и различными привилегированными группами, как например, Ост-Индская компания, которая держала в руках торговлю с Востоком. Но это было выгодно землевладельцам и правительству, выражая их интересы, отказались проводить таможенную реформу.

Ничего не добившись, промышленная буржуазия приходит к пониманию, что для осуществления выгодной ей политики необходима реформа парламента, которая обеспечит ее прямое участие в делах страны

Установленный после Славной революции союз между земельной аристократией и буржуазией больше не мог существовать. Соотношение сил изменилось, и буржуазия больше не хотела мириться со своим второстепенным положением в стране, требуя расширения политических прав.

Лозунг реформы парламента встретил широкий отклик в народных массах, которые надеялись благодаря реформе провести через парламент законодательство в своих интересах. Лозунг парламентской реформы в умах народа сливался с мечтой об улучшении своего положения. Однако, буржуазия побаивалась народных выступлений и поэтому, избегала решительных действий.

Присоединив к себе рабочее движение, борьба приобретает политический характер. Появились требования преобразования парламента, введения всеобщего избирательного права и других демократических реформ. Таким образом, вызванная за улучшение условий рабочих борьба постепенно приобретала политический характер и теперь уже была направлена против существующих государственных порядков в Англии. Появились требования расширить число избирателей, выбирающих членов парламента. Буржуазия совместно с пролетариатом создавали политические организации в Бирмингеме, Манчестере, Лондоне и других крупных центрах⁸¹. В ответ на это правящие круги отвечали принятием ряда законов против демократического движения, пытаясь подавить выступление пролетариата.

Тем не менее, в ходе парламентской реформы, консервативная партия аристократов поняла, что чтобы остаться у власти, они должны приспособиться к реалиям эпохи. Поэтому, либерально-консервативные тенденции начинают появляться уже в 30-40-е годы XIX века. А сами партии оформляются в 30-е годы в ходе борьбы за парламентскую реформу. Между вигами и тори происходил постоянный взаимообмен, в результате чего, часть либеральной олигархии перешла на консервативные позиции, а Роберт Пиль, возглавлявший консервативный кабинет с 1841 – по 1846 года, взял курс на приспособление консервативной партии к новым условиям. Это заметно по реформе 1832 года, в результате чего, было ликвидировано несколько десятков «гнилых местечек, было пересмотрено представительство от избирательных округов с учетом роли новых промышленных центров, расширен электорат (примерно до полумиллиона избирателей). Более того, Пиль провел закон об отмене хлебных законов. Это

⁸¹ Трухановский В.Г. Указ. соч. - С. 83.

показательный момент, так как отмена была выгодна буржуазии и ударяла по интересам аристократии.

После революций 1848—1849 гг. борьба между землевладельческой аристократией и буржуазией отступает на второй план по сравнению с линией противоречий буржуазии и рабочих. Таким образом, проведение либеральных реформ стало главным направлением развития страны. Реформы 1832 и 1846 годов, далее, были продолжены новыми уступками. Так, например, был принят закон, обеспечивающий допуск евреев в парламент 1858 году, закон об уничтожении имущественного ценза для членов парламента, принятый в том же году, избирательная реформа 1867 года, включившая в состав избирателей городских рабочих, отмена обязательных церковных налогов в 1868 году, и т.д.⁸².

После 1846 года были практически прекращены попытки противодействия либеральным реформам в сфере экономики. Многие аристократы, заседающие в парламенте, осознавая, что именно либеральная конкурирующая экономика ведет Англию к процветанию и мировому господству, поощряли уменьшение тарифов и сокращение общественных расходов. Эту точку зрения начала поддерживать и торийская аристократия, уступившая свободной торговле и признавая тот факт, что «протекционизм не только умер, но и проклят»⁸³. То есть, часть дворянства действительно пересматривала свои взгляды, часть молча соглашалась. Аристократы прекрасно понимали, что если они, как выразился лорд Дерби, «будут действовать осторожно, если они сами станут во главе движения, ведущего к необходимым реформам, то истинные интересы их мало пострадают, и они удержат за собой большую часть влияния в государственных делах»⁸⁴.

⁸² Фадеева Л.А. Очерки истории британской интеллигенции. – Пермь. 1995. - С. 123-124.

⁸³ Тэн. Г. Очерки Англии. - СПб. 1872. - С. 23-24.

⁸⁴ Корреспонденция из Лондона// Вестник Европы. 1822. №2. - С. 854.

И действительно, социальный состав тех, кто реально находился у власти, изменился мало. Если рассмотреть верхнюю палату английского парламента, там абсолютную монополию землевладельцев. В 1860 году она насчитывала 458 членов. Из них 3 принца крови, 3 архиепископа (1 от Ирландии), 20 герцогов, 65 маркизов (из них 16 от Шотландии, 28 от Ирландии), 109 графов, 209 баронов, 27 епископов (3 из которых от Ирландии). Шотландские пэры избирались на каждую парламентскую сессию, а ирландские — на всю жизнь⁸⁵.

Палата лордов являлась высшей апелляционной инстанцией королевства, она проводила суды над пэрами и суды по обвинениям, исходящим из палаты общин. Как верхняя законодательная палата она имело право инициировать прохождение законодательных мероприятий, право вносить поправки в законопроекты и налагать вето на не признаваемые ею мероприятия. Конечно, реальная власть пэров как наследственных законодателей была не так уж велика, так как в конечном счете верхняя палата вынуждена была принимать фактически все законы, предлагаемые палатой общин. С. Лоу заметил по этому поводу: «Сила палаты лордов в ее слабости. Если бы она была способна осуществлять хотя бы десятую часть той власти, которой она пользуется в теории, она была бы давно уничтожена»⁸⁶.

В то же время позиция палаты лордов, несомненно, учитывалась при выработке законопроектов, их исправления зачастую принимались нижней палатой, кроме того, пэры могли сколь угодно долго задерживать прохождение законов, либо отвергая их в принципе, либо внося изменения, изменяющие саму суть реформ. Так, например, в течение 25 лет пэры боролись с проектом закона о вознаграждении фермеров за

⁸⁵ Лоу. С. Государственный строй Англии. – СПб. 1908. - С. 137.

⁸⁶ Там же. - С. 187.

произведенные улучшения на арендуемых участках, внесенным еще в 1845 году; почти столько же времени они не принимали закон об отмене десятины. Особо непримиримую позицию пэры занимали в отношении законов по Ирландии. Например, они блокировали пять биллей о проведении муниципальных реформ в крупных ирландских городах, которые были приняты только через 58 лет⁸⁷.

Нижнюю палату английского парламента также нельзя было назвать «палатой средних классов», чаще о ней говорят как о «клубе землевладельцев». Земельный истэблишмент — ирландские пэры, сыновья пэров Соединенного Королевства, баронеты и деревенские джентри - продолжал занимать существенное большинство мест в течение третьей четверти XIX века.

Рассматривая вопрос о представительстве аристократии и средних классов в палате общин, можно использовать данные, приводимые Бернардом Крэкромфтом в работе «Анализ палаты общин, или непрямоe представительство». Выступая в поддержку расширения избирательного права, в ходе полемики, предшествующей избирательной реформе 1867 года, автор приводит следующие факты. На первый взгляд кажется, что землевладельцы не играют существенной роли в палате общин, поскольку 18-миллионное население графств избирало только 256 членов палаты, тогда как 11 миллионное население городов избирало 396 членов. Но, присмотревшись внимательнее к составу палаты общин, Крэкромфт находит, что из 396 депутатов от городов лишь около 150 представляли торговые или промышленные интересы. Остальные 246 принадлежали к тому, что обычно называется «территориальным классом». Это были как титулованные аристократы, так и люди, связанные с аристократией экономическими и политическими интересами, брачными узами и происхождением. В итоге

⁸⁷ Дионео. Очерки современной Англии. – СПб. 1903. - С. 219.

Крэкрофт приходит к выводу, что, по крайней мере, 502 человека (246 от городов и 156 от графств) представляли интересы землевладельцев в нижней палате накануне второй избирательной реформы⁸⁸

В этом отношении неудивительно преобладание аристократов в кабинетах министров. Так, кабинет Пальмерстона 1859 года состоял из 7 пэров, 2 сыновей пэров, 2 баронетов и только 3 человек, не имеющих титула. Кабинет лорда Рассела насчитывал 66% титулованных членов и 34 % людей без титула, включая джентри. Исключение в рассматриваемый период составляло лишь министерство У. Гладстона 1868-1874 годов, в котором это соотношение изменилось в пользу последних (47 % и 53 % соответственно)⁸⁹. Средний класс стал более или менее заметен лишь в либеральных кабинетах последней четверти XIX века. Да и тогда около двух третей (с 1868 по 1886 год) из 49 членов были либо из землевладельческих, либо из связанных с ними семей⁹⁰.

А из шести премьер-министров, занимавших этот пост в третьей четверти XIX века - это были Дж. Абердин, Г. Дж. Пальмерстон, Дж. Рассел, Э. Дж. Дерби У. Гладстон, Б. Дизраэли – все, кроме двух последних, были аристократами, но они воспринимались современниками как исключение из общего правила.

Некоторые учреждения, такие как Министерство иностранных дел, и в особенности дипломатическую службу, реформа практически не затронула: должности, требующие «особых качеств», исключались из системы конкурсных экзаменов. Конкурс здесь был ограниченным: чтобы быть

⁸⁸ Ерофеев. Н.А. Указ. соч. - С. 47.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 48.

допущенным к экзамену, нужно было попасть в список из 10 кандидатов, составляемый лично министром иностранных дел⁹¹.

Аристократы доминировали и в таких важнейших сферах, как армия и церковь. Англиканская церковь, как часто говорили, составляла «кость от кости английской аристократии»⁹².

Архиепископы и епископы чаще всего были родственниками титулованных аристократов. Более половина из них была благородного происхождения, остальная часть — наследственным духовенством. Даже в последней четверти XIX века, около половины тех, кто был женат, находили жен, вышедших из семей дворянства, менее трети были дочерьми священников⁹³. Среднему классу здесь места не было.

Так же, аристократия занимала доминирующее положение в армии. Поступление на службу зависело от рекомендаций, а продвижение осуществлялось посредством покупки патентов на офицерский чин.

На местном уровне влияние аристократии и средних классов ощущалось в разной степени. В графствах в рассматриваемый период почти абсолютной властью обладала аристократия. Лорд-наместник и шериф графства, назначаемые короной номинальные главы исполнительной и судебной власти, неизменно были крупными землевладельцами. По их представлению назначались мировые судьи, которые были либо деревенскими сквайрами, либо священниками. В Англии и Уэльсе в 1842 году среди судей графства представителей среднего класса не было вообще⁹⁴.

⁹¹ Айзенштадт М.П. Британия Нового времени. Политическая история: учебное пособие / М.П. Айзенштадт. – М., КДУ, 2007. – С. 31.

⁹² Рапорт С. Деловая Англия. – М., 1903. С.248.

⁹³ Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825 – 1853. – М.: Наука, 1982. С. 62.

⁹⁴ Там же. - С. 71.

От них зависело назначение на самые разные должности, все они были членами деревенского высшего общества.

В 1856 году французский наблюдатель Шарль де Монталембер писал: «английские графские джентльмены проявляют в своем положении, своих привычках и в своем энергичном и полезном существовании единственный пример настоящей и влиятельной аристократии Европы»⁹⁵.

Тогда как социальная система графств оставалась аристократической, в городах существовала более демократическая система. Практически все те административные функции, которые исполняли мировые судьи в графствах, здесь исполняли члены городских советов. Но в отличие от мировых судей, занимающих свои должности чаще всего пожизненно, должности членов городского совета были выборными. После муниципальной реформы 1835 года, давшей право избирать членов совета всем налогоплательщикам, прожившим в городе не менее трех лет, значительную роль в управлении городами стали играть представители среднего класса⁹⁶. Во многих крупных промышленных городах советы полностью находились под контролем местного среднего класса.

Можно сказать, что к середине XIX века, элита верховной власти набиралась из элиты богатства, и уже, в том числе и из среднего класса. Тем не менее аристократии удалось удержать лидирующие позиции правящего класса. Буржуазия не могла конкурировать с аристократией на равных. Деньги приходилось зарабатывать, и отсутствие свободного времени было трудно сочетать с политической деятельностью. Но даже в том случае, если были уже накоплены значительные средства, или деньги были унаследованы, им явно не доставало семейного влияния и связей. Тогда как аристократию с детства готовили к управлению страной, буржуазии приходилось

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Шоу. А. Городское управление в Западной Европе. – М. 1898. С. 26-27.

завоевывать доступ к нему. Все это давало аристократии преимущество и политика и управление в первой половине XIX века оставались уделом дворянства.

Однако, начиная с 1832 года на протяжении нескольких десятилетий был принят ряд законодательных актов, предоставивших избирательные права буржуазии, а затем и рабочему классу. Это были принципиальные политические уступки состоятельных кругов. Правящие круги понимали, что сопротивление слишком велико, поэтому вынуждены были уступить. Все уступки в сочетании с социальными компромиссами и обеспечили многолетнюю устойчивость английского политического строя. В то же время, если мы посмотрим статьи реформы 1832 года, то увидим, что парламентская реформа не удовлетворила самого главного требования рабочих и носила весьма ограниченный характер. Рабочий класс избирательных прав не получил. Поэтому, их борьбе еще только предстояло развернуться.

Глава 2. Рабочий класс Англии в первой половине XIX века.

§1. Положение рабочего класса в первой половине XIX века.

Промышленный переворот – это не только переворот в промышленности, но и во всей жизни общества. Как справедливо отметил Ленин, промышленный переворот в Англии – это «крутое и резкое преобразование всех общественных отношений, процесс, затронувший все сферы жизни английского общества – не только экономику, но и социальную структуру».⁹⁷

В первую очередь, под его воздействием произошли серьезные демографические сдвиги – процветание Великобритании привело к постепенному повышению среднего уровня благосостояния, что отразилось на росте населения. В стране произошел демографический взрыв. И хотя уровень рождаемости переживал как подъемы, так и спады, в целом, население Великобритании к середине XIX века составляло примерно 13 млн. человек⁹⁸. Это, в свою очередь, влияло на соотношение разных социальных групп. В первую очередь росло промышленное население. К 1851 году их насчитывалось 5 млн. человек, что составляло около 43% от общего числа населения страны⁹⁹. Переход к промышленному производству вызвал к жизни появление фабричных и заводских рабочих.

Основным источником увеличения численности рабочего класса были сельское хозяйство и городское ремесло. Начался массовый процесс пролетаризации ремесленников и мелких фермеров. Уже к 30–40-м годам

⁹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 231.

⁹⁸ Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли, или история одной невероятной карьеры. – М.: Наука. 1993. – С. 76.

⁹⁹ Ерофеев Н.А. – Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825 – 1853. – М.: Наука, 1982. С. 29.

XIX века в сельском хозяйстве Англии укрепились капиталистические отношения: производство ориентировалось исключительно на рынок, появились крупные фермы на которых широко применялся наемный труд. В результате, с одной стороны, в течение первой половины XIX века происходило укрупнение аренды и вытеснение мелких фермеров. Продажа продуктов сельского хозяйства стала массовым явлением, что способствовало падению цен на эти продукты. Теперь, чтобы выжить, арендаторы вынуждены были постоянно совершенствовать свое хозяйство и вкладывать в него все больше средств. Считалось, что для успешного ведения хозяйства в середине XIX века необходимо было вкладывать не менее 12 ф. ст. на каждый акр земли¹⁰⁰, что не каждому было под силу. Мелкие фермеры разорялись, их вытесняли крупные арендаторы. Не имея больше средств к существованию в деревне, они шли в города в поисках работы, таким образом, присоединяясь к рабочему классу.

С другой стороны, из-за процесса огораживания общинных земель страдали жители деревни, не занятые в производстве. Общинная пустошь имела для них большое значение – здесь они пасли скот, собирали хворост и добывали торф. В результате кампании по разделу и огораживанию, в период с 1831 – по 1840-е года, было огорожено 236 тысяч акров, за следующее десятилетие – уже 369 тыс. акров. Однако, считается, что эти цифры преуменьшены, так как многие разделы просто не учитывались статистикой. Современники в 1844 году считали, что за предыдущие 10 лет было разделено и огорожено 2 млн. акров¹⁰¹. Потеряв свой надел, жители деревни также шли в города и были вынуждены перейти в разряд рабочего класса.

Другим источником роста численности рабочих были разорявшиеся мелкие производители. В результате активного применения машин,

¹⁰⁰ Рабочее движение Великобритании XIX – XX вв. М., 1979. С. 13

¹⁰¹ Там же.

начинается гибель ручного производства и домашнего труда. Наиболее четко это можно увидеть по хлопчатобумажной промышленности, где ручной труд окончательно утерятил значение к 40-м годам XIX века. «До введения машин превращение сырья в пряжу и затем в ткань совершалось на дому у рабочего. Эти семьи ткачей жили большей частью в деревне, близ городов, и могли неплохо существовать на свой заработок, так как местный рынок всё ещё был в смысле спроса на ткани решающим и даже почти единственным рынком... Машинный труд одержал победу над ручным трудом в главной отрасли английской промышленности, и вся дальнейшая история последней повествует лишь о том, как ручной труд уступал машине одну позицию за другой».¹⁰² Так, к середине XIX века из 225 тыс. ручных ткачей, работавших еще в начале 30-х годов, осталось всего 60 тыс.¹⁰³ Не имея больше источника дохода, мелкие производители были вынуждены становиться наемными рабочими. Аналогичный процесс происходил и в других отраслях производства.

Таким образом, благодаря миграции населения, сельская Англия превращалась в городскую. И если в начале столетия в городах и сельской местности проживала примерно половина британцев, то к 60-м годам XIX века доля городского населения составляла уже 80%¹⁰⁴. Крупными районами стали северо-западные территории Англии, Южный Уэльс, а также побережье между реками Форс и Клайд. Такие города, как Бирмингем, Шеффилд, Ливерпуль, Манчестер, Лидс, Глазго увеличились вдвое. Например, население Манчестера, центра хлопчатобумажного производства, с 1801 – по 1821 год увеличилось на 67%, а к 1841 году это число удвоилось.

¹⁰² [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/front/eng/prolet02.htm>

¹⁰³ Рабочее движение Великобритании XIX – XX вв. М., 1979. С. 14

¹⁰⁴ Викторианцы: столпы британской политики XIX века/ Отв. ред. И.Мю Узнародов. – «Экспертное бюро».- Ростов н/Д., 1996. С. 9.

Так же выросло количество жителей Лондона – к началу 50-х годов XIX века оно выросло с 865 тыс. до 2,5 млн.¹⁰⁵

По данным переписей, общее число занятых всеми видами труда в Англии в 1841 году составляло 5098,6 тыс. человек, а в 1851 году – 6269 тыс. человек. Из них, число занятых в промышленности в 1841 году составляло – 2739,7 тыс. человек, а в 1851 году – уже 3777,1 тыс. человек.

Рабочий класс первой половины XIX века характеризуется рядом черт - единственным источником существования новоиспеченного рабочего был наемный труд. У него больше не осталось земли, которую он мог обрабатывать и обеспечивать себе существование, или пустить часть продуктов на продажу. Единственное, что он мог теперь продать – это свой труд. Учитывая количество рабочих и их безвыходное положение, рабочая сила была очень дешевой.

Говоря о фабричных рабочих, их положение постоянно отягощалось усовершенствованием машин и вытеснением. Так, в 1829 году, на 35 фабриках было занято на 1060 прядильщиков больше, чем в 1841 году. В чесальных машинах были введены за последнее время такого же рода усовершенствования, и это лишило заработка половину рабочих. На одной фабрике, в результате установки усовершенствованных тростильных машин, вследствие чего из восьми девушек четыре остались без работы, а остальным четырём фабрикант понизил плату с 8 до 7 шиллингов. То же происходило во всех отраслях фабричного производства – в ткацкой промышленности, в прядении льна и шерсти, в обработке шёлка. Взрослые рабочие всё более и более вытеснялись из промышленности и не могли найти вновь работу, несмотря на расширение производства.

В викторианскую эпоху социальным выражением принадлежности к разным группам общества являлась заработная плата. Заработной платы

¹⁰⁵ Ерофеев Н.А. Указ. соч. – С.5.

рабочих не хватало на самый скромный прожиточный минимум. При непрерывном росте цен на продукты и предметы первой необходимости реальная заработная плата неуклонно снижалась. Ее и без того низкий уровень снижали еще более, прибегая к самым различным маневрам. Так, например, по любому поводу рабочие платили штраф: если надсмотрщик доносил управляющему, что рабочий пришел на работу «грязным», или если рабочий умывался на работе, если рабочий «грубил» или был недостаточно «почтителен». Если рабочий болел и не мог найти «подходящую» (с точки зрения управляющего) замену, то он должен был уплатить штраф за «непроизводительно израсходованный пар» и т. д.

Другим способом сокращения заработной платы являлась система расплаты с рабочими. При каждой фабрике имелись лавки, принадлежащие владельцу предприятия. Рабочий вместо части денег (а эту пропорцию устанавливал фабрикант, и «часть» равнялась иногда 2/3 заработной платы) получал книжку и вынужден был покупать в фабричной лавке те продукты и предметы, которые ему предлагали. Рабочих за отказ подчиняться установленному порядку расплаты выгоняли с работы, сажали в «бунт», высылали в английские колонии.

К нижнему, и самому бедному слою рабочих можно отнести разнорабочих, поденных рабочих, которые не имели специальной квалификации в какой-либо отрасли производства. Для них существовало бесчисленное множество способов заработать себе на скудное пропитание продажей товаров или услуг.

Так, например, на работу в доках нанимали только поденных рабочих и платили им 3 пенса в час, при этом, оплата часто производилась не наличными, а талонами¹⁰⁶. Ситуацию осложняло и то, что их работа носила временный характер и не гарантировала уверенности в завтрашнем дне.

¹⁰⁶ Там же. С. 212

Существовали бесчисленные мелкие строительные фирмы, соорудившие бесконечные стандартные дома для трудящихся в пригородах и нанимавшие двоих-троих рабочих, когда деловая активность была высока, и увольнявшие их, пока не появятся деньги для строительства еще нескольких домов. В 1845 году принц Альберт предвидел кризис: «Когда постройка бесчисленных железных дорог, которая ведется сейчас, будет завершена, это сразу оставит без работы громадную армию рабочих»¹⁰⁷. Однако на волне промышленного переворота все время возникали новые технические проекты, такие, как доки, подземная железная дорога и огромная канализационная система Базалджетта, нуждающиеся в рабочих.

Постройка подземной железной дороги, начатая в 1861 году, была огромным по масштабам техническим предприятием: строительство сети туннелей обычно проходило с применением ручного труда и в некоторых случаях энергии пара. Две тысячи человек, 200 лошадей и 58 машин построили Дистрикт-лайн между Слоан-сквером и Вестминстером, используя две мощные печи для обжига на Эрлс-корте, производившие необходимый кирпич.¹⁰⁸ Начиная с 1859 года, для перехватывающей канализационной системы Базалджетта требовалось огромное количество рабочей силы. Две тысячи человек работали на северном верхнем уровне, еще тысяча на среднем, не говоря уже о третьей канализационной трубе на северном берегу и трубах на южном берегу¹⁰⁹. Другим масштабным работодателем был Томас Кьюбитт. Он был необычным человеком — не увольнял своих рабочих в период затишья, вместо того, чтобы следовать обычной практике и распускать их до тех пор, пока не возобновится работа. В 1828 году он предоставлял работу 1000 человек в одной Белгравии. В результате растущего спроса, здание его фирмы на правой стороне Грейс-Инн-роуд

¹⁰⁷ Там же. С. 213

¹⁰⁸ Джордж Рюде. Народные низы в истории 1730-1848. М. Прогресс 1984 г. С. 256.

¹⁰⁹ Там же. С. 257

оказалось недостаточно большим, и он купил 50 акров вдоль Темзы для складов и мастерских. Он был просвещенным работодателем — у его рабочих были кухня, сушилки для одежды, ватерклозеты, читальня и библиотека, выдававшая книги на дом. «К нему стремились попасть лучшие рабочие»¹¹⁰.

Разнорабочие такого плана могли заработать около фунта в неделю, если была работа. В общей сложности, разнорабочим платили в среднем по 18 шиллингов в неделю, за десятилетие плата выросла до 20 шиллингов. В хорошем районе метельщики улиц могли зарабатывать до 7 шиллингов в неделю, но, опять же, эта работа была сезонной, при этом метельщику каждый месяц приходилось покупать за 3 пенса новую метлу. Для сколько-нибудь приличной жизни этого было явно недостаточно.

Уровнем выше находились мастеровые рабочие. Эта категория работала на фабриках, заводах, а так же в ремесленных цехах. Будучи востребованными, они имели навыки в определенном виде работ, но не имели специальной квалификации и поэтому, их труд не особо высоко ценился. Мастерской, имеющий жену и четверых детей, написал в популярную газету «Пенни Ньюсман», что зарабатывает в среднем 1 фунт 10 шиллингов в неделю. Квартирная плата за две комнаты составляла 4 шиллинга, на еду и топливо уходило 5 шиллингов, на табак 3 пенса, «по полпенни на угощение для каждого ребенка» и 9 пенсов на лечение для всех; общая сумма расходов составляла 1 фунт 8 шиллингов 1 пенс. Таким образом, на непредвиденные расходы и на одежду у него практически ничего не оставалось¹¹¹. Другой рабочий, женатый, но бездетный, зарабатывал 19 шиллингов 6 пенсов в неделю и мог «рассчитывать на рождественские награды 2–3 фунта». В 1856 году его расходы за обычную неделю были

¹¹⁰ Там же. С. 258

¹¹¹ Рожков Б.А. Революционное направление в английском рабочем движении 50 гг. XIX в. - М.,1964. С. 236.

такими: квартирная плата – 5 шиллингов, уголь для отопления – 1 шиллинг 1 пенс, кофе, чай, сахар – 2 шиллинга 6 пенсов, хлеб – 4 шиллинга 6 пенсов, овощи – 1 шиллинг 1 пенс, мыло и сода – 5,5 пенса, мясо, или дешевая рыба – 2 шиллинга 6 пенсов, молоко – 2 пенса, дрова – 2 пенса; всего 18 шиллингов полтора пенса. Часто расходы рабочих на самое необходимое превышали их заработную плату. «Одежду мы покупаем, когда удастся скопить денег, обычно после Рождества». Но, судя по всему, этот человек дешево платил за квартиру, хотя неизвестно, где он жил.

Рабочих этой группы можно было встретить в любой отрасли промышленности Англии. Самой крупной отраслью промышленности Лондона было пивоварение. В 1781 году Сэмюэль Джонсон, содействуя продаже пивоварни своего друга Генри Трейла в Саутуорке, пророчил, что она принесет тому, кто ее купит, «все богатства мира». К 1850 году она считалась «самой большой в мире»¹¹². Каждый день в 4 утра около 200 грузовых подвод, каждую из которых тянули две огромных лошади, отправлялись со свитой конюхов из пивоварни развозить большие бочки пива по пивным и тавернам Лондона. Когда Флора Тристан, сторонница социальных реформ, посетила пивоварню в 1839 году, на нее произвели впечатление размеры предприятия, «но больше всего поразило в этой пивоварне незначительное число рабочих занятых на такой огромной фирме»¹¹³. Там было 30 или 40 клерков, которых она не заметила¹¹⁴, к тому же она не упоминает — возможно, ей не показали, — как в огромном чане перемешивают солод десять человек, стоя в нем по пояс, обнаженные, если не считать набедренной повязки¹¹⁵.

¹¹² Там же. 248

¹¹³ Там же. 249

¹¹⁴ Там же. 250

¹¹⁵ Там же. 251

Главным потребителем рабочей силы был лондонский транспорт. На вокзалах главной железнодорожной линии были заняты носильщики и извозчики, люди, смотревшие за лошадьми и правившие ими при перевозке вещей с вокзала к дому в Лондоне или через Лондон на другой вокзал. В 1851 году 3000 лондонских омнибусов предоставляли работу для 6000 кучеров и кондукторов, 3000 конюхов и 2000 людей, выполнявших случайную работу¹¹⁶. К 1861 году на омнибусах работало больше на тысячу кучеров и кондукторов, так же как и конюхов и людей для случайной работы. Для каждого омнибуса требовалось одиннадцать-двенадцать лошадей. Хотя обычно омнибус везли две лошади, в плохую погоду могли потребоваться три, и чтобы животные могли отдохнуть, имелись резервные лошади, при том, что люди работали по четырнадцать часов в день. Кондукторы из собранной ими платы за проезд получали 4 шиллинга в день. Кучерам на большинстве маршрутов платили 34 шиллинга в неделю, поскольку их рабочий день начинался с 8 утра и иногда продолжался до глубокой ночи.

Кожевенная промышленность была четвертой по величине мануфактурой в Англии, после хлопковой, шерстяной и железоделательной. В девятнадцатом веке она достигла высшей точки¹¹⁷, предоставляя работу людям самых разных профессий, начиная от владеющих несколькими языками клерков, имевших дело с заморскими поставщиками и клиентами, квалифицированных рабочих и до чернорабочих, снимающих шкуры с животных. Шкуры почти всех овец, забиваемых в Лондоне, обрабатывались здесь. Экзотический импорт составляли буйволы и тюлени, козьи шкуры привозили из Швейцарии, Германии, Балтики, Северной Африки, Восточной Индии, из Кейпа и Малой Азии. На начальной стадии шкуры очищали от шерсти, погружая их на четыре-пять недель в ямы с известью, и продавали

¹¹⁶ Травельян Д. М. Социальная история Англии. - М., 1959. С. 255

¹¹⁷ Рабочее движение Великобритании XIX - XX вв. / отв. ред.: Б. А. Рожков. - М.: Наука, 1979. С. 259.

шерсть изготовителям ковров и штукатурам. Затем вместо извести употребляли собачий помет, который собирали бедняки. Эта операция была, по общему мнению, «самой неприятной во всем производстве».

Так же, рабочие использовались в смежных с кожевенным производством ремеслах. Тут были скорняки, чье производство было самым зловонным, так как они имели дело с еще окровавленными, необработанными шкурами; дубильщики, производившие тонкую окрашенную кожу; изготовители пергамента и торговцы кожей. Большинство сыромятен были семейными предприятиями, начиная с единоличного производства и кончая «одним из самых больших и самых совершенных предприятий в мире» с пятью сыромятнями, занимавшими более двух с половиной акров. В 1850 году самая меньшая из них, специализировавшаяся на производстве тонкой мягкой кожи, давала работу 85 рабочим и применяла паровую машину, производя 470 000 кож в год.

Начавшийся третий этап промышленной революции требовал квалифицированного труда, в связи с чем резко возрастает роль квалифицированных рабочих. Возрастает их жизненный уровень, растет самосознание. Недельный заработок квалифицированного столяра, включая сверхурочные, в среднем равнялся 1 фунту 12 шиллингам. Столяр тратил в среднем 5 шиллингов 6 пенсов на квартирную плату за две комнаты, 2 шиллинга 6 пенсов на одежду, 4 шиллинга 3 пенса на мясо по 6 пенсов за фунт, что считалось большим количеством, 1 шиллинг 9 пенсов на 1,5 фунта масла и 2 шиллинга 4 пенса на пиво. Кроме того, нередко они могли позволить себе потратить 4 пенса на обучение, 1 шиллинг 6 пенсов на инструменты и 2 пенса на газеты¹¹⁸.

¹¹⁸ Рожков Б.А. Указ. соч. С. 246

Квалифицированные рабочие, такие как каменотесы, каменщики, паяльщики и плотники в 1849 году зарабатывали 30 шиллингов в неделю, а в 1859-м — 32–33 шиллинга.

Так же, к квалифицированным рабочим относились рабочие, изготавливавшие предметы роскоши. Очень ценились каретники. У самых лучших карет крыша, верхняя передняя часть, задняя часть и бока были покрыты одной шкурой, которую несколько раз проходили краской и покрывали шестью-восемью слоями лака. Наряду с шелком для обивки кареты изнутри использовались тисненная кожа и тонкое испанское сукно. Умелый каретный мастер зарабатывал от 3 до 5 гиней в неделю и занимал высокое место в неофициальной иерархии квалифицированных ремесленников¹¹⁹.

Лондон был центром изготовления фортепьяно. В каждом доме среднего класса должно было стоять фортепьяно, так что спрос был огромен. В то же время, рабочих, квалифицированных в этой области, вряд ли можно было заменить каким-либо автоматическим оборудованием. На фабрике на Хорсферри-роуд, для изготовления фортепьяно использовали красное дерево, ввозимое из Гондураса и Испании. Три ствола красного дерева длиной 15 футов и диаметром 38 дюймов стоили две-три тысячи фунтов¹²⁰.

Так же, квалифицированные рабочие были заняты в тяжелой промышленности. Так, металлургический завод Миллуолл в 1867 году давал работу 4000 рабочим, строя бронированные корабли для военно-морского флота, а также выпуская броню для экспорта в Россию. В целом на верфях были заняты 15000 квалифицированных рабочих и подмастерьев. Квалифицированным рабочим платили 30 шиллингов и более в неделю, подмастерья отработывали свой семилетний срок, получая 8-10 шиллингов.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 247.

Самыми богатыми были механики, зарабатывавшие 35–37 шиллингов в неделю. Томас Райт под псевдонимом «Инженер» дал яркое описание жизни на этих верфях: Существуют традиции, привычки и обыкновения... в большой мере определяющие внутреннюю и социальную жизнь мастерских, знание которых существенно для спокойствия тех, кто там оказался... как техническая сноровка необходима для того, чтобы получить или сохранить работу... Когда подмастерье приходит в мастерскую, его, скорее всего, научат «стоять на стреме» прежде, чем он узнает названия инструментов: «Стоять на стреме» действительно важная задача, которая состоит в том, чтобы следить за приближением управляющего или мастера, чтобы быстро и своевременно предупредить рабочих, которые могли бездельничать или тайком читать, или курить, или «работать на себя»¹²¹.

Начавшийся переизбыток рабочей силы привел к тому, что она становилась дешевой. В результате, заработная плата уменьшалась, а рабочий день увеличивался. Так, предприниматель мог устанавливать рабочий день по 18, а иногда и по 20 часов в сутки¹²². На фабриках царил никем не ограниченный произвол. Ситуация осложнялась экономическими кризисами, приходившимися на первую половину XIX века. И если вначале они были преимущественно торговыми, то с 1825 года они превратились уже в циклические и распространялись на все сферы экономики. Многие тысячи англичан жили в трущобах в ужасной нищете, погибая от голода¹²³. Их убогое существование явно констатировало с комфортной богатой жизнью высших слоев общества.

Отдельного внимания заслуживают условия труда рабочих. Рабочий проводил на фабрике в темном, грязном непроветриваемом помещении 16-

¹²¹ Hobsbawn E.J. Industry and Empire. From 1750 to the Present Day. Harmondsworth , 1969. P. 162.

¹²² Трухановский В.Г. Указ. соч. - С. 77.

¹²³ Там же. - С. 77-79.

18 часов в сутки. Производители нередко оправдывали такую продолжительность рабочего дня «заботой о рабочих: «Если рабочие имели бы больше досуга, то они не знали бы куда с пользой девать время и нравственно вырождались бы».

Ужасной была и пища рабочего. К хлебу подмешивали квасцы, которые увеличивали объем хлеба и «улучшали» его цвет, придавая ему белизну. Молоко, содержавшее различные примеси, было такого низкого качества, что им можно было отравиться. Масло бы до прогорклым.

Нередко мужской труд на фабриках заменялся менее квалифицированным, но более дешевым – женским, или детским трудом. В 1839 году из 419 560 фабричных рабочих 192 887 человек было моложе 18 лет. На фабриках работало 242 296 женщин, из них почти половина — 112 192 были моложе 18 лет. Таким образом, взрослых мужчин-рабочих было всего 23%¹²⁴.

Дети работали 12 часов и больше. Измученные, без сил, они засыпали в рабочее время у машин и часто оставались ночевать тут же на фабрике. Ф. Энгельс, который с 1812 г. жил в Англии и близко наблюдал жизнь пролетариата, писал: «Пролетарий поставлен в самое возмутительное, самое нечеловеческое положение, которое только можно себе представить. Существование раба по крайней мере обеспечено личной выгодой его владельца; у крепостного все же есть кусок земли, который его кормит; оба они гарантированы, по меньшей мере, от голодной смерти; а пролетарий предоставлен исключительно самому себе». После изнурительного дня рабочий возвращался в свое смрадное, грязное и темное жилище, «здесь, описывал Энгельс, — почти не увидишь окна с целыми стеклами, стены обваливаются, дверные косяки и оконные рамы сломаны и еле держатся... Повсюду кучи мусора и золы, а выливаемые у дверей помои застаиваются».

¹²⁴ Аллен Хатт. Британский тред-юнионизм. М. 1981. С. 25.

Сама проблема детского труда стояла в Англии очень остро. Дети обычно нанимались в пять или шесть лет, Томас Уилкинсон, хлопковый прядильщик, который свидетельствовал перед Комитетом палат лордов в 1819 говорил, что приблизительно половина всех рабочих - это подростки 16 лет, а каждый пятый. Или шестой рабочий едва достигал 9 лет. Сам сэр Роберт Пиль, выступая перед Комитетом в 1815 году заявил, что дети семи лет часто работали тринадцать или четырнадцать часов в день. Многие члены парламента, поддерживая фабрикантов открыто свидетельствовали, что они считают, что занятость детей до десяти лет, если она ограничена пятью или шестью часами в день, могла бы быть «не пагубной, но благотворной».

Тяжелейшие условия работы и голодная жизнь вели к тому, что рабочие очень быстро теряли трудоспособность. По данным 1840 года, в Ливерпуле средняя продолжительность жизни наемного рабочего была всего 15 лет. Свыше 57% детей рабочих умирало в возрасте до 5 лет.

В то же время, начавшийся третий этап промышленного переворота многое изменил в жизни рабочих и условия жизни британцев уже значительно отличались от первых лет правления Виктории. К началу 60-х годов доходы рабочих начинают понемногу расти. Важнейшим событием можно считать переход к квалифицированному труду, что дало возможность многим рабочим переместиться в отрасли индустрии с более высокой оплатой труда. По данным Э. Хобсбома, к началу 60-х годов XIX века примерно 15% рабочих относились к категории высокооплачиваемых. Зарплата прямо отражала их квалификацию, так как успешное применение машин еще сильно зависело от ручного труда¹²⁵. Семьи рабочих с высоким заработком не испытывали нужды в продуктах питания, их качество было гораздо выше. Такие семьи регулярно потребляли мясные и молочные

¹²⁵ Hobsbawn E.J. Industry and Empire. From 1750 to the Present Day. Harmondsworth , 1969. P. 154.

продукты, овощи. В их рационе появилось много фруктов, относящихся до этого к разряду деликатесов, за исключением яблок. Доступны стали такие экзотические фрукты как бананы. Дж. Хауэлл – депутат парламента, вышедший из рабочей среды и хорошо знавший жизнь трудящихся, отмечал интересный момент, подчеркивающий происходившие изменения. Многие квалифицированные рабочие «воротили нос» от овсяной каши и презрительно именовали ее «похлебкой», забыв, что совсем недавно она составляла основной рацион их питания¹²⁶.

§2. Борьба английского рабочего класса в защиту социально-экономических и политических прав.

Таким образом, в силу вышеперечисленных проблем, основными направлениями борьбы рабочего класса были требования за экономические и политические права, за введение трудового законодательства, в частности – против низкой заработной платы, длительного рабочего дня и тяжелых условий труда., улучшения условий жизни и работы.

Основная проблема борьбы любого класса – это осознать себя как класс, понять свою общность, и выработать ясное понимание своих классовых интересов. В начале XIX века пролетариат еще не осознавал себя как класс. Бывшие крестьяне надеялись вернуться на землю, ремесленники – возобновить свое мелкое производство. Тем не менее, именно утвердившееся крупное машинное производство, сопровождающееся усилением эксплуатации рабочих, ухудшением их условий труда и понижением заработной платы, обусловило возникновение в Англии рабочего движения, сопутствовало созданию новых форм борьбы для защиты своих прав и интересов. Крупное производство, такое как фабрики, заводы, объединяя в

¹²⁶ Викторианцы: столпы британской политики XIX века/ Отв. ред. И.Мю Узнародов. – «Экспертное бюро».- Ростов н/Д., 1996. С. 17.

одном месте большие группы людей, позволяло создавать новые формы организации рабочего класса и новые методы борьбы. Рабочие искали наиболее действенные приемы, поэтому, английское рабочее движение начала XIX века представляет огромное разнообразие форм борьбы за свои права.

Первые выступления еще не сформировавшихся как класс рабочих были примитивными, стихийными и не имели какой-либо четкой программы или требований. Быстрый рост промышленности и введение машин разорили тысячи ремесленников и кустарей, в результате аграрного переворота исчезало английское крестьянство. Поэтому, их первый протест был направлен против вводившихся машин. Уже в конце XVIII – начале XIX века в Англии стали возникать тайные рабочие сообщества, целью которых являлось помешать введению машин. Это движение получило в истории название как движение луддитов – по имени первого рабочего Лудда, сломавшего машину. Центрами этого движения стали быстрорастущие районы хлопчатобумажной промышленности – Ноттингем, Йоркшир, Ланкашир. Ремесленники и рабочие ломали чулочновязальные, кружевные и другие машины, разрушали фабричные здания, уничтожали склады товаров.

Это была самая первая, еще не зрелая форма сопротивления рабочего класса, о которой Энгельс писал так: «Сначала борьбу ведут отдельные рабочие, потом рабочие одной фабрики, затем рабочие одной отрасли труда в одной местности против отдельного буржуа. Рабочие направляют свои удары не только против буржуазных производственных отношений, но и против самих орудий производства; они уничтожают конкурирующие иностранные товары, разбивают машины, поджигают фабрики».¹²⁷

В ответ на движение, парламентом были отправлены войска во все округа где действовали луддиты. Более того, в палату общин был внесен

¹²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения. т. 4. Изд. 2, стр. 431 – 432.

билль о введении смертной казни за разрушение машин. Так как это движение было стихийным, результат не заставил себя долго ждать. Только 15 января 1813 года в Йорке было повешено 14 человек, обвинявшихся в порче машин. Под нажимом властей движение начало ослабевать и вскоре затухло. Однако, отдельные вспышки отмечались вплоть до 40-х годов XIX века¹²⁸.

Были введены так же и другие законы, объявлявшие незаконными все стачки, демонстрации, митинги. Рабочим запрещалось требовать уменьшения рабочего дня и увеличения заработной платы. Каторгой и смертной казнью каралось участие рабочих в тайных сообществах.

Тем не менее, рабочие начинали понимать, что их врагом являются не машины, и их поломка им ничего не даст. Поэтому, несмотря на запреты, в начале XIX века наиболее мощным и эффективным средством нажима на собственников были стачки. Крупное производство ориентировалось на быстро меняющиеся запросы рынка, и было наиболее уязвимо. Стачки ломали планы и приносили убытки производителям. К тому же, развернувшееся стачечное движение свидетельствовало о переходе к новым, более высоким формам борьбы.

Новое усиление рабочего движения было связано с экономическим кризисом, который переживала Англия после окончания наполеоновских войн с Францией. Английская промышленность, перестав снабжать армию, не сразу получила необходимые ей для сбыта товаров рынки. В результате упал вывоз товаров и как следствие сократился объем производства. Началась массовая безработица. В одном только Шропшире из 34 действовавших доменных печей прекратили свою работу 24¹²⁹. Это означало потерю рабочих мест для тысяч металлургов и шахтеров. Кризис так же задел

¹²⁸ Ерофеев Н.А. Указ. соч. С. 31

¹²⁹ Там же. С. 44.

и текстильную промышленность. Десятки тысяч ткачей остались без заработка. Высокие цены на продовольствие и налоги только усугубляли ситуацию.

Все это обусловило широкое движение масс в демократическом движении, охватившем Англию в 1815 году. В это время рабочие еще не выступали как самостоятельная политическая сила и поэтому, их первые выступления проходили совместно с демократическими элементами: с городскими низами, ремесленниками, рабочими домашней промышленности мелкой буржуазией. Тем не менее, они накладывали отпечаток на характер движения. Рабочие выступали как крайне левое крыло.

К этому же периоду относится возникновение тред-юнионов. Это были профессиональные союзы, созданные с целью защиты трудовых, социально-экономических и политических прав работников. Профсоюзы стали возникать еще в конце XVIII века в виде местных профессиональных клубов, членами которых в основном были квалифицированными ремесленниками, чьи условия работы были еще практически не затронуты промышленным переворотом. Однако, уже с 1792 года такие объединения начали появляться среди фабричных рабочих, где одними из первых были ланкаширские прядильщики. Они уже представляли угрозу, поэтому в 1799 – 1800 годах правительством тори были приняты Акты о запрете на всякие союзы. Особенно это касалось текстильной промышленности¹³⁰.

Однако, несмотря на запреты, они возникали повсеместно. Запрещенные официально, они были вынуждены превратиться в консперативные организации и обязывали своих членов приносить присягу. Именно эти нелегальные союзы провели первую серию массовых стачек, наиболее значительными из которых были забастовки шотландских ткачей в 1812 году, ланкаширских прядильщиков в 1818 году, горняков на северо-

¹³⁰ Аллен Хатт. Указ. соч. С. 21.

восточном побережье в 1810 году, а так же в Шотландии и в Южном Уэльсе в 1818 году. В последней из них приняли участие рабочие-металлисты и сообща сумели предотвратить снижение заработной платы.

В 1824 – 1825 годах началась борьба за отмену Актов, запрещающих создание профсоюзов. В нее включились комитеты представителей различных профессий, созданные союзами в Лондоне, Глазго, Манчестере и других городах. Особенно большую роль сыграли лондонские представители, которых возглавлял Джон Гаст из Дептфорда, секретарь Союза корабельных плотников. В результате, понимая, что остановить процесс создания тред-юнионов уже невозможно, парламент отменил запрет на рабочие союзы в 1824 году.

После отмены Актов, по всей Англии начали возникать профсоюзные движения, процесс создания тред-юнионов ускорился. Одновременно нарастала волна стачечной борьбы. Как сообщала шеффилдская газета, рабочие были охвачены «страстью к образованию союзов»¹³¹. Были организованы национальные союзы, такие как Союз строителей паровых машин, Всеобщий союз плотников и столяров.¹³²

Однако отмена Актов еще не означала, что профсоюзному движению была предоставлена полная и безусловная свобода. В 1825 году на деятельность рабочих союзов были наложены ряд ограничений. В частности, запрещались «заговоры», т.е. согласованная деятельность рабочих против предпринимателей.

Парламент был готов мириться с локальными рабочими организациями и контролировать их деятельность. Однако попытка создать в 1834 году широкое профессиональное объединение, охватывающее рабочих всей страны «Великий национальный тред-юнион», не увенчалась успехом.

¹³¹ Там же. С. 22

¹³² Там же.

Власти объявили эту организацию незаконной, и объединенный тред-юнион был ликвидирован, а шестерых рабочих участвовавших в организации приговорили к каторге.

Тем не менее, глубокие экономические и социальные потрясения с каждым годом усиливали нарастающую остроту классовых противоречий. В обществе стали распространяться социалистические идеи, в частности, сочинения Годскина, Ф. Брея, которые доказывали, что единственным источником богатства является труд, идеи кооперации Р. Оуэна, его попытки ликвидировать деньги и др.

По стране прокатилась новая волна забастовок, в которую включились как фабричные рабочие, так и, ремесленники, лондонские корабельные плотники и бондари, прядильщики Глазго, чесальщики шерсти в Брадфорте, и т.д. Так, в 1826 году Ланкашир неоднократно потрясли забастовки прядильщиков хлопка и горняков, которые боролись против снижения заработной платы, проводимого предпринимателями после резкого падения цен в результате торгового кризиса 1825 года.

В 1831 году произошло крупное волнение в Уэльсе, после увольнения горняков и металлистов, являвшихся членами Союзного клуба. После его запрещения, когда легальная профсоюзная деятельность стала невозможной, в Уэльсе возникла тайная террористическая организация, которая стала называться «Шотландский скот».

В 1838 году состоялся процесс над организатором Союза прядильщиков хлопка в Глазго – Томасом Хантером. Выяснилось, что тайно организованный в 1816 году Союз производил поджоги фабрик и убийства штрейкбрезеров.

Так же можно привести пример забастовки кирпичников в Манчестере в 1843 году. Во время этой забастовки рабочие, вооруженные мушкетами, захватили кирпичный завод и выдержали решительную схватку с

вооруженной охраной предпринимателей. Забастовщики не ушли до тех пор, пока не разрушили завод¹³³.

Большим шагом вперед стало то, что наряду с союзами локального характера были попытки создания широких объединений, включавших не только рабочих одной профессии, как например, союз набойщиков в текстильной промышленности, общество взаимопомощи литейщиков, союз рабочих бумажной промышленности. Нередко эти союзы оказывали друг другу денежную помощь во время забастовок. Произошли первые попытки организовать союзы, объединяющие рабочих разных профессий. Одной из них является попытка ланкаширских прядильщиков создать более широкую организацию в ходе забастовок 1818 и 1826 годов. Несмотря на действие еще не отмененных Актов в 1818 году, во время первой стачки удалось собрать в Манчестере делегатов союзов четырнадцати профессий, которые договорились организовать Всеобщий союз профессий, получивший название «Филантропический Геркулес». Одной из целей союза было обеспечить, чтобы «рабочие одной профессии не объявляли забастовку без ведома и согласия рабочих других профессий». Однако, в результате активной политики властей по борьбе с союзами трудящихся, он вскоре прекратил свое существование. Но несмотря на краткое существование этой организации и ее непрочность, она создала в Лондоне свое отделение под председательством Джона Гаста.

В 1830 году после длительной забастовки прядильщиков в Аштоне и Хайде, была организована Национальная ассоциация защиты труда, которую возглавил Джон Догерти, выдающийся профсоюзный деятель из Ланкашира. Он так же был инициатором создания в 1829 году первой национальной организации прядильщиков хлопка – Великого всеобщего союза Соединенного Королевства. Национальная организация ставила своей целью

¹³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения. т. 2. Изд. 2, стр. 449–450.

координировать борьбу по попыткам урезать заработную плату. За короткий период времени она объединила 150 профсоюзов, особенно рабочих-текстильщиков Ланкашира и центральных графств. Также в нее входили союзы механиков, горняков, гончаров и рабочих других профессий. Общее число ее членов достигло, согласно данным, 100 тыс. человек.¹³⁴ Однако, хотя ассоциация и напугала правящий класс, по сути, она была слабой организацией с ограниченными средствами, проводившая исключительно оборонительную политику. Она просуществовала в течение двух лет.

Важной страницей истории борьбы рабочего класса была борьба за избирательное право. Рост экономического могущества промышленной буржуазии побуждал ее претендовать на непосредственное участие в управлении страной. Соотношение сил изменилось, и она больше не хотела мириться со своим второстепенным положением, требуя расширения политических прав. Таким образом, установленный после Славной революции союз между земельной аристократией и буржуазией больше не мог существовать. Поэтому, промышленная буржуазия пришла к пониманию, что для осуществления выгодной ей политики необходима реформа парламента, которая обеспечит ее прямое участие в делах страны. В конце 20-х годов она усилила борьбу за реформу парламента и увеличение своего представительства в нем посредством привлечения к реформе основного населения страны того времени – рабочих.

Лозунг реформы парламента встретил широкий отклик в народных массах, которые надеялись благодаря реформе провести через парламент законодательство в своих интересах. В умах народа парламентская реформа сливалась с мечтой об улучшении своего положения. Как выразился рабочий

¹³⁴ Аллен Хатт. Указ. соч. С. 22.

оратор на одном из митингов, «цель парламентской реформы – обеспечить рабочему плоды его труда»¹³⁵.

Присоединив к себе рабочее движение, борьба приобрела политический характер. В 20-х годах XIX века в движение за реформу избирательного права были втянуты широкие круги рабочих, ремесленников и мелкой буржуазии. Стихийное рабочее движение охватило в первую очередь промышленные районы Англии. Буржуазные радикалы, мелкобуржуазные демократы, рабочие, выступая на митингах требовали введения всеобщего избирательного права для всех мужчин, уничтожения имущественного ценза на выборах, появились требования преобразования парламента, в частности, его ежегодного созыва, и других демократических реформ. Таким образом, вызванная за улучшение условий рабочих борьба теперь уже была направлена против существующих государственных порядков в Англии. Буржуазия совместно с пролетариатом создавали политические организации в Бирмингеме, Манчестере, Лондоне и других крупных центрах¹³⁶.

В ответ на все эти акции правящие круги ответили принятием ряда законов против демократического движения, пытаясь подавить выступление пролетариата. Правительство попыталось расправиться с этим движением теми же средствами что и с луддитами. 17 августа 1819 года в Манчестере более 50 тыс. человек собралось на митинг, созванный в защиту избирательной реформы. Но в это время в толпу врезался отряд войск и началось массовое побоище. 15 человек были убиты¹³⁷. Таким же образом расправились с митингами в Бирмингеме, Ноттингеме и других городах.

¹³⁵ Рабочее движение Великобритании XIX – XX вв. М., 1979. С. 18.

¹³⁶ Трухановский В.Г. Указ. соч. - С. 83.

¹³⁷ Рабочее движение Великобритании XIX - XX вв. / отв. ред.: Б. А.Рожков . – М. : Наука, 1979 . С. 112.

В том же году были введены законы, получившие в обществе название «О затыкании рта». В ответ на митинги парламентом отменялись неприкосновенность личности, свобода печати, публичные собрания. Полиции разрешалось проводить обыски в домах под предлогом поиска оружия. Местные власти могли запретить любое собрание, на котором присутствовало более 50 человек. Каждый экземпляр газет и брошюр облагался налогом. Нарушение закона каралось каторжными работами¹³⁸. Однако, несмотря на предполагавшееся наказание, эти законы небыли эффективны. По-прежнему собирались митинги и принимались резолюции с требованием изменить существующую избирательную систему. Примером такого решения может служить резолюция, написанная ткачом Джоном Доггерти и принятая рабочими на митинге в 1827 году. Резолюция гласила: «Собрание придерживается того мнения, что единственное действительное средство против всех наших политических зол состоит в коренной, полной и радикальной реформе палаты общин. Каждому, кто вносит свою долю на государственные расходы, должен быть предоставлен голос при выборе тех, кому вверяется власть составления законов. Такая реформа, по мнению этого собрания, может быть достигнута только ежегодно переизбираемым парламентом и всеобщим и тайным избирательным правом»¹³⁹.

Большую роль в борьбе за рабочее законодательство играл «Политический союз» - организация, созданная банкиром Аттвудом в Бирмингеме. Таким образом это была буржуазная организация, однако туда входили и некоторые категории рабочих. Так, «Политический союз» широко пропагандировал единство интересов буржуазии и пролетариата и открыл двери своей организации для образованных рабочих, т.е. главным образом, туда входили квалифицированные рабочие. В одном из документов

¹³⁸ Там же. С. 144.

¹³⁹ Там же. С. 91.

«Политического союза» говорилось, что «В состав членов союза входят лица из класса уважаемых деловых людей из обученных рабочих больших городов. Разве обученный ремесленник заинтересован в том, чтобы возбуждать страсти озлобленных или невежественных людей, поджигающих фабрики, в которых они работают, или разорять фабриканта, от которого они получают свой заработок?»¹⁴⁰ Подобные организации возникали и в других промышленных городах.

Тактика буржуазии увенчалась успехом – под мощным напором снизу, аристократия была вынуждена пойти на уступки и 1 марта 1831 года лидер партии вигов Джон Рассел внес в палату общин проект новой избирательной реформы, согласно которой избирательные права должна была получить часть мужского населения, обладавшая высоким имущественным цензом. Этот проект дважды (в феврале и июне 1831 года) был отклонен палатой общин.¹⁴¹

Еще не понимая истинной сущности акта, отказ парламента принять избирательную реформу вызвал взрыв возмущения по всей Англии. Толпы людей в промышленных центрах стекались на митинги, требуя немедленного проведения реформы. На многих домах, где жили противники реформ, были выбиты стекла. Полицию встречали градом камней. Начались столкновения с войсками, посланными в промышленные центры. Была сожжена часть центра города Бристоля. В домах герцога Веллингтона и у епископа – ярых противников реформы – были выбиты стекла. На севере Англии вооружались рабочие, повсюду раздавались призывы к всеобщей забастовке.

Но буржуазия хотела только припугнуть народным движением правящие круги и вырвать необходимую ей реформу. Никто, ни аристократия, ни буржуазия, не хотели революции. Поэтому, финансовая

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/>

аристократия вовремя уступила. Это избавило Англию от угрозы народного восстания.

Однако закон о реформе парламента увеличил лишь представительство промышленных городов, т.е. буржуазии. Рабочие же, которые надеялись на коренные преобразования, были разочарованы: реформа не дала им избирательных прав и оставила в силе прежние злоупотребления.

Новый закон об избирательном праве вызвал страшное возмущение рабочих, которые поняли, что их предали. Один из будущих руководителей чартистского движения писал в газете: «Пока у них с вами одна общая причина жаловаться, они будут говорить, что у всех должны быть одинаковые права. Но теперь положение вещей удивительно меняется, битва их благодаря вашему содействию, я думаю, благополучно выиграна. Они больше не ваши товарищи по состраданию».¹⁴² Таким образом, реформа избирательного права привела к разрыву временного союза рабочих с буржуазией. Но именно поэтому, можно говорить о том, что Парламентская реформа 1832 года была важным политическим уроком для рабочего класса.

Новый этап в профсоюзном движении возник тогда, когда в самый разгар борьбы за реформу был основан первый национальный производственный профсоюз, не ограниченный в рамках одного цеха или фабрики. Это был Союз строительных рабочих, число членов в котором быстро достигло значительного по меркам того времени количества – 40 тыс. человек. Поставив себе главной целью «повышение и уравнивание оплаты труда», союз провел целый ряд региональных забастовок, включая Ланкашир и Лондон. В ответ на это фабриканты нередко прибегали к шантажу работников увольнениями в случае невыхода из союза.

¹⁴² Рабочее движение Великобритании XIX - XX вв. / отв. ред.: Б. А.Рожков . – М. : Наука, 1979 . С. 45.

Забастовки также охватили и другие отрасли промышленности. В частности, пришли в движение прядильщики хлопка, организовавшие всеобщую забастовку 1 марта 1834 года с требованием восьмичасового рабочего дня.

Так же, нельзя не отметить проведение двух важных конференций представителей рабочих, которые состоялись осенью 1833 года. Первым был конгресс Союза строительных рабочих, проходивших в Манчестере. На нем присутствовало около 500 делегатов. Затем, в октябре того же года в Лондоне собрались делегаты профсоюзов и кооператоров для обсуждения возможности объединения. Возвращение делегатов с лондонского конгресса в свои районы превратило нарастающую борьбу профсоюзного движения в мощный поток, прокатившийся по всей стране. За короткое время организацией было охвачено не менее 800 тыс. человек

В феврале 1834 года профсоюзные делегаты вновь собрались в Лондоне и на закрытом заседании создали Великий национальный объединенный союз профессий. Его основной целью, как говорилось в уставе, было повышение заработной платы рабочих или предотвращение всякого ее уменьшения, а так же – добиваться сокращения рабочего дня. «Великой и конечной целью его должно быть утверждение основных прав труда и человека путем установления иного порядка вещей, при котором только действительно полезная и разумная часть общества будет управлять его делами».¹⁴³

За короткое время Великий национальный объединенный союз профессий уже насчитывал полмиллиона членов, в каждой отрасли промышленности работали десятки тысяч его членов. Целые области, где прежде не наблюдалось профсоюзного движения, теперь были полностью им охвачены. Массовая организация в союзы сельскохозяйственных рабочих

¹⁴³ Аллен Хатт. Указ. соч. С. 28.

происходила как в графствах Англии, так и в Шотландии. В союз массово вступали женщины, работающие на фабриках.

С самого начала своего основания, Союз профессий оказался вовлечен во всевозможные стачки, происходившие по вопросам оплаты труда, длительности рабочего дня и т.д. Важнейшими среди них были забастовки трикотажников в Лестере, механиков, набойщиков и столяров-краснодеревщиков в Глазго, портных в Лондоне.

Вся страна внимательно следила за продолжительной стачкой 1500 рабочих в Дерби, вызванной их отказом выйти из союза. В Олдеме движение прядильщиков хлопка вылилось в народное восстание, когда объявили забастовку все фабрики с требованием восьмичасового рабочего дня.

Следующим крупным этапом в развитии борьбы рабочих – было чартистское движение, ударной силой которого были текстильщики и горняки. Несмотря на свое поражение, оно имело огромное значение для развития рабочего законодательства в целом. Копившееся много лет недовольство вылилось в крупное народное движение, в результате которого правящие круги сделать правильные выводы. Что повлияло в дальнейшем на их политику рабочего законодательства.

Непосредственной причиной, повлиявшей на возникновение чартистского движения, было нарастающее в первые десятилетия XIX века недовольство – промышленные кризисы 1825 и 1836 годов и созданная ими безработица 1825—1830 и 1836—1840 годов, распространившаяся преимущественно на Ланкашир, но захватившая также и другие части Англии, выбросившая на рынок десятки тысяч рабочих рук и значительно понизившая заработную плату остальных. Сыграла свою значительную роль и парламентская реформа, не принесящая рабочим ожидаемых результатов.

Получив реальную власть в результате избирательной реформы 1832 года, вместо того, чтобы сделать определенные уступки рабочему классу, промышленная буржуазия начала свое правление с закручивания гаек в

надежде сломить движение рабочих за улучшение условий труда. В 1834 году был принят Закон о бедных, который заменял все виды помощи безработным помещением последних в работные дома. В высказываниях рабочих, в печати тех лет звучало понимание враждебности к рабочему классу. Выступая в 1842 году на митинге манчестерских рабочих, оратор говорил: «В рабочем классе возобладало чувство, что средние классы и правительство выступили между собой в сговор с целью погубить его. Это чувство приняло всеобщий характер»¹⁴⁴. Начиная с 1836 года, Англию охватила волна митингов с десятками и даже сотнями тысяч протестующих, направленные против этого закона и оканчивавшиеся подачей в парламент петиций об его отмене. В одну сессию 1838 года было подано 333 петиции, с 268 тыс. подписей, против закона. В защиту закона поступило только 35 петиций, с 952 подписями¹⁴⁵.

Таким образом, нарастающее недовольство по всей стране и имеющийся опыт борьбы сделали возможным в Англии первой половины XIX века широкое народное движение, вошедшее в историю как чартизм.

Нарушив закон о высоком штемпельном сборе, охранявшем монополию буржуазии на печать, рабочие стали создавать дешевые газеты, что позволило чартистской организации появиться во всех частях страны. Поэтому, с самого начала движения выявилась тенденция к объединению чартистов в одну партию. Однако вплоть до 1840 года действовало два основных центра чартистского движения – это Лондонская ассоциация рабочих, куда входили чартистские организации Центральной и Западной Англии и Большой северный союз, включающий организации промышленных округов Ланкашира и Йоркшира.. Наибольший интерес для выяснения процесса становления чартизма имеет Лондонская ассоциация

¹⁴⁴ Рабочее движение Великобритании XIX – XX вв. М., 1979. С. 18

¹⁴⁵ Там же.

рабочих, так как именно она сформулировала первые принципы чартизма. Она возникла в 1836 году, ее организаторами были такие деятели рабочего движения как Ловетт, Винсет, Гарни, и др. Их историческая заслуга состоит в том, что они первыми стали поднимать рабочий класс на борьбу за власть путем построения самостоятельной партии рабочих, в основы которой было положено три основных принципа – независимость от всех буржуазных партий, союз с рабочими других стран и принцип руководящей роли партии в системе других рабочих организаций. Таким образом, можно говорить о достижении рабочим движением определенного уровня опыта и о четкой осознанности действий. На этих основах и оформилась в 1840 году первая в мировой истории самостоятельная пролетарская партия – Национальная чартистская ассоциация.

Свое намерение провести политическую борьбу под руководством собственной партии рабочие выразили в знаменитой Хартии, одобренной на чартистском митинге в 1837 году, на котором присутствовало около 3 тыс. представителей из разных районов страны. Участники митинга одобрили предложенный Лондонской ассоциацией рабочих проект Хартии, состоявший из шести пунктов: 1) всеобщее избирательное право; 2) ежегодно избираемый парламент; 3) равные избирательные округа; 4) оплата членов парламента; 5) отмена имущественного ценза для депутатов; 6) тайное голосование. В краткой преамбуле говорилось, что Хартия составлена с таким расчетом, чтобы палата общин действительно стала выражать «волю, чувства и интересы народа».¹⁴⁶ Другие требования чартистов, имевшие экономический и социальный характер, были выражены в их петициях в менее определённых формах, не в требовательных пунктах, а в мотивировке. Тем не менее именно они, несмотря на всю их неясность для самих лидеров, являлись центром тяжести движения.

¹⁴⁶ Ловетт - Рабочее движение Великобритании XIX – XX вв. М., 1979. С.41

В виде законопроекта Хартия была опубликована 8 мая 1838 года и стала знаменем рабочего движения в борьбе за свои права. В ее поддержку собирались грандиозные митинги – так, в мае 1838 года имел место митинг в Глазго, на котором, по показаниям чартистов, присутствовало 200 тыс. человек, преимущественно рабочих. Затем последовали митинги в Манчестере, Бирмингеме, Лондоне, Ньюкастле, Ланкашире и других городах. На ньюкастльском митинге была принята предложенная О’Коннором резолюция: отстаивать всеобщее избирательное право «всеми, и притом не только законными средствами». Тем не менее, большинство чартистов придерживались мирной агитации за Хартию.

4 февраля 1839 года в Лондоне собрался первый национальный конвент чартистов, состоявший из 53 делегатов от различных чартистских ассоциаций. Конвент, по плану его устроителей, должен был иметь значение народного или рабочего парламента в противоположность парламенту аристократически буржуазному, заседающему в Вестминстере. На нём шла борьба между левым и правым крылом чартистов, между сторонниками физической силы и нравственного воздействия. Конвент имел большое значение для движения, так как именно тогда была окончательно выработана хартия и решена её подача парламенту. В случае ожидавшегося непринятия петиции палатой общин было решено обратиться ко всем сторонникам реформы с предложением в один определённый день взять из сберегательных касс все имеющиеся у них деньги, предъявить к размену на золото все находящиеся в их руках ассигнации, а затем вооружиться и при помощи оружия отстаивать народную свободу.

Хартия начиналась с указания на тяжёлые испытания, которым подвергается в настоящее время народ: «Мы изнемогаем под бременем налогов, которые нашими повелителями всё-таки признаются недостаточными. Наши торговцы и промышленники находятся на краю разорения. Наши рабочие голодают. Капитал не даёт прибыли и труд не

вознаграждается. Дом ремесленника опустел, а склад ростовщика наполнился. В рабочем доме нет места, а фабрика стоит без работы. Мы внимательно искали причины нужды... и не нашли их ни в природе, ни в провидении.... Мы с полным почтением заявляем палате общин, что нельзя допустить продолжения такого порядка вещей.... Капитал не должен быть лишён надлежащей прибыли, труд рабочего — надлежащего вознаграждения. Законы, которые делают пищу дорогой, и законы, которые делают деньги редкими и удешевляют труд, должны быть уничтожены; налоги должны ложиться на собственность, а не на производительную деятельность... Как предварительное условие этих и других необходимых преобразований, как единственное средство, при помощи которого интересы народа могут получить защиту, мы требуем, чтобы охрана интересов народа была вверена ему самому».¹⁴⁷

В течение первой половины 1839 года собирались подписи под этой петицией. Агитация велась по-прежнему на митингах столь же грандиозных, как и митинги 1838 года, нередко собиравшихся ночью при свете факелов, хотя парламент поспешил объявить ночные митинги запрещёнными под страхом уголовного наказания.

В июле 1839 года хартия была представлена палате общин с 1 280 тыс подписей. 12 июля она была рассмотрена и требования её отвергнуты большинством 235 голосов против 46. Это вызвало волну недовольства по всей Англии. Уже 15 июля митинг негодования в Бирмингеме окончился кровавым столкновением рабочих с полицией..4 ноября 1839 года толпа в 10 тыс. человек, из которых некоторые были вооружены ружьями, пиками, вилами, напали на тюрьму в Ньюпорте, где были заключены многие чартисты, и сделали попытку их освободить. Во время перестрелки было убито 10 и ранено 50 чартистов.

¹⁴⁷ Там же.

В конце 1839 года 380 чартистов, в том числе все руководители, были приговорены к тюремному заключению на сроки от 1 месяца до 2 лет. Чартистское движение на время затихло.

Однако уже летом 1840 года началось оживление в местных чартистских ассоциациях, а 20 июля 1840 года в Манчестере собрался съезд представителей чартистских ассоциаций, на котором была принята резолюция проводить хартию исключительно конституционными способами. Но в следующие же месяцы в национальной чартистской ассоциации вновь стало заметным революционное течение, в особенности по мере того, как она стала пополняться выпускаемыми из тюрьмы вождями первого чартистского движения.

На втором этапе чартистского движения наиболее заметная роль принадлежала Джеймсу О'Брайену, у которого были некоторые социалистические стремления; он находил, что дело идёт не о частных реформах, а о коренном преобразовании всего экономического строя, и был безусловным противником каких-либо соглашений с консерваторами. Однако, ещё большей популярностью пользовался О'Коннор, ненавидевший вигов и потому готовый поддерживать консерваторов; под его влиянием чартисты поддержали консервативную партию на парламентских выборах 1841 года, и последние одержали победу в значительной степени благодаря им.

В 1842 году была составлена вторая хартия с теми же 6 требованиями, но редактированная гораздо резче; она представлялась уже не с полным почтением, как первая. В частности, в ней говорилось: «податели петиции, зная, что бедность вызывает преступления, смотрят с изумлением и тревогой на то, как плохо поставлена помощь бедным, престарелым и больным; с чувством негодования они видят, что парламент желает сохранить в действии

новый закон о бедных, несмотря на его нехристианский характер и губительное влияние...».¹⁴⁸

В петиции говорилось не только о гнете налогов, но и о несправедливости огромного содержания членов королевской фамилии и церковных сановников, при нищете народных масс; запрещение ночных митингов признавалось неконституционным; дурные законы объяснялись «стремлением безответственного меньшинства притеснять и довести до голодания большинство»¹⁴⁹; говорилось о господстве монополий, о недостаточности фабричного законодательства, о необходимости бороться с чрезмерным трудом и низкой заработной платой, о необходимости уничтожения государственной церкви и расторжения законодательной унии Великобритании с Ирландией; условием для осуществления этих мер выставлялись прежние 6 пунктов.

Под петицией было собрано 3300 тыс. подписей и 2 мая 1842 года она была подана палате общин; 16 человек несли её по улицам; так как она не могла войти в ворота палаты общин, то она была разделена на куски и в таком виде внесена. Однако, как и в предыдущий раз, Палата 287 голосами против 59 отвергла петицию.

После этого в Манчестере и в других местах Ланкашира началась массовая стачка; толпы рабочих, примкнувших к стачке, насильно останавливали работавших, а в некоторых случаях портили машины и разбивали съестные лавки. Впрочем, официальные изображения бесчинств, произведённых рабочими, по-видимому сильно преувеличены. В разных местах произошли столкновения с полицией, во время которых было арестовано много рабочих и вождей чартизма.

¹⁴⁸ Там же. С. 58.

¹⁴⁹ Рабочее движение Великобритании XIX - XX вв. / отв. ред.: Б. А.Рожков . – М. : Наука, 1979 . С. 50.

Чартистское движение вновь замерло, на этот раз на 6 лет. Промышленное оживление 1843—1846 годов сделало его немислимым. Чартистские вожди, в особенности О'Коннор и О'Брайен, вели пропаганду в своих журналах, но большого успеха не имели. Очень характерен проект, выработанный О'Коннором в это время, основания своего рода акционерного общества для покупки мелких участков земли и для наделения ими рабочих, указывающий, как далеки были его идеалы от стремлений социализма; для него чартизм был выражением протеста против развивающейся промышленной системы, но протестом, видевшим свой идеал не в изменении этой системы, а в её уничтожении и в возвращении к земледельческому строю.

В 1847 году в Англии начался новый промышленный кризис, опять стала усиливаться безработица, и в 1848 году чартизм вновь ожил на время, отчасти под влиянием толчка, данного парижской революцией. В Лондоне собрался новый конвент чартистов, на котором была принята новая (третья) хартия. В короткие сроки под ней было собрано большое число подписей и она снова была передана палате общин. Однако комиссия, среди двух миллионов подписей, стоявших под петицией, нашла подписи королевы Виктории, герцога Веллингтона, апостола Павла и т. п. Раскрытие этого факта сделало хартию и чартизм предметом насмешек, и чартизм после этого окончательно сошёл со сцены.

Нельзя однако сказать, что он остался совершенно безрезультатным. Введение подоходного налога в 1842 года, отмена хлебных пошлин в 1846 году и, самое главное, фабричный закон 1847 года, установивший 10-часовой рабочий день для женщин и детей, в значительной степени являются делом чартистов. Несмотря на то, что 1850-е годы были эпохой, когда рабочее движение в Англии замерло, чартизм оставил глубокую память в рабочем классе Англии. Расширение трудового законодательства и те уступки, на

которые пошло правительство во второй половине XIX века в значительной степени произошло под тяжестью чартистского движения.

§3. Результаты борьбы рабочего класса к середине XIX века.

Первые попытки относительно трудового законодательства были связаны с регулированием детского труда на предприятиях. Использование дешевого детского труда посредством системы ученичества детей нищих, действовала как искушение для детей из бедных семей научиться какому-либо ремеслу, чтобы затем начать зарабатывать самостоятельно. Однако в результате они попадали практически в кабалу к производителю, работая за низкую заработную плату в тяжелых условиях.

В 1802 году Роберт Пиль внес на рассмотрение законопроект, получивший название «Закон о здоровье и моральном состоянии учеников»¹⁵⁰, который прошел в парламенте с минимальной оппозицией. Согласно этому закону, рабочее время учеников было ограничено двенадцатью часами в день, а работа в ночные часы должна была постепенно прекращаться, и прекратиться полностью к июню 1804 года. Ученики обязаны были обучаться чтению, сочинению и арифметике, каждому ученику ежегодно должен был выдаваться комплект одежды. Фабрики должны были подвергаться косметическому ремонту два раза в год, и в любом случае должным образом проветрены. Ученикам разных полов должны были быть предоставлены отдельные комнаты для сна не более, чем на два человека. Помимо всего, ученики должны были ходить в церковь, по крайней мере, один раз в месяц.

Чтобы обеспечить надлежащее исполнение закона, судьи должны были назначить двух инспекторов из своего числа. Все заводы и фабрики должны

¹⁵⁰ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/>

были ежегодно регистрироваться секретарем по делам мировых судов. У судей также была власть штрафовать фабрикантов на сумму от 2 до 5 ф. ст. за несоблюдение вышеупомянутых инструкций¹⁵¹.

Тем не менее, несмотря на всю внешнюю демократичность этого закона, в 1802 году было рано говорить о фабричном законодательстве и это было просто расширение Закона о бедных, касающееся учеников округа. Правительство, беря на себя ответственность за воспитание этих детей, попыталось отрегулировать их условия работы.

Об ограниченности закона стало понятно после того как был поднят вопрос – должен ли закон применяться ко всем фабрикам, или только к тем, где были наняты ученики. В преамбуле говорилось о том, что билль применим не только к ученикам, но и ко всем хлопковым и шерстяным фабрикам, на которых занято «двадцать или больше человек». Однако в законе содержались пункты, касающиеся ограничения часов работы, выделенные для образования, что было явно применимо только к ученикам. В Палате общин часть парламентариев высказалась за расширение Билля ко всем предприятиям, однако это предложение было отклонено на том основании, что было бы абсурдно расширить Билль, «который имел отношение просто к образованию учеников». Таким образом, расширение закона на все фабрики было затруднено его образовательным пунктом.

Кроме того, сам по себе закон был совершенно не эффективен. Главный пункт по поводу ограничения часов совершенно не соблюдался. Ограничение часов работы, выделенных на обучение, практически не соблюдалось. Из-за низкой системы контроля, в некоторых районах Англии само существование закона осталось неизвестно. Более того, теперь фабриканты предпочитали нанимать так называемых «свободных» детей в предпочтении ученикам, на которых закон не распространялся. Таким

¹⁵¹ Там же.

образом, существенных результатов введенный в 1802 году билль о «Здоровье» не принес. Кроме того, система ученичества постепенно сама изживала себя и к 1830 году исчезла совсем. Однако это была первая попытка на законодательном уровне отрегулировать права рабочих.

Тем не менее, в Билле 1802 года были свои достоинства. Так, например, ограничение часов работы, положенное в основу билля, не делало исключений по возрасту или полу, и было одинаково применимо как к молодым людям, так и девушкам. В 1803 году были сделаны поправки к закону, запрещающие отдавать детей в ученичество на фабрики, где они были бы склонны работать ночью или больше чем десять часов в день. Это был первый акт, регулирующий труд детей.

С начала применения энергии пара началось бурное развитие промышленности. Английские изготовители наращивали темпы производства, требовавшего дешевую рабочую силу. Кроме того, такой аспект как регулирование фабрик государством с этого времени становится очень спорным вопросом. Средний класс становился все более образованным, они могли изложить свои доводы и выразить свое мнение в более или менее литературной форме, или, во всяком случае, заставить кого-либо сделать это за них.

В социальном отношении, первые три десятилетия XIX века формируют в нашем представлении мрачный период. Потребовалось двадцать пять лет законодательства, чтобы сократить труд детей в возрасте до девяти лет до 69 часов в неделю, и это только в хлопкопрядильной промышленности.

Заслуживает внимания Закон, принятый в 1819 году¹⁵², которому предшествовали долгие обсуждения в парламенте. Единственным эпизодом в начале 20-х годов XIX века, подающим надежды на улучшение положения

¹⁵² Там же.

рабочих, был опыт Роберта Оуэна. Вместо того, чтобы требовать от парламента законодательства, улучшающего положение трудящихся на фабриках, он ввел на его взгляд необходимые меры на своем предприятии и затем предложил использовать их как прецедент для повсеместного введения. В частности, Оуэн попытался сократить рабочие часы детей. Изначально на его фабриках дети трудились по 14 часов, затем это число было сокращено до 12, и в дальнейшем он собирался еще больше сократить рабочее время. Кроме того, он не нанимал детей до 10 лет. Для исполнения этого условия, он требовал доказательства возраста из крестильного регистра. Оуэн полагал, что ограничение рабочего времени не принесет убытков производителям, так как «такое ограничение часов приведет к значительному улучшению здоровья сотрудников и, как следствие, к росту производительности». Так же, он считал, что дети в возрасте от десяти до двенадцати лет могли быть приняты на работу только на неполный рабочий день. Другая сторона его предложений сводилась к тому, чтобы ограничить труд рабочих, занятых в текстильной промышленности.

Накопив некоторый опыт в том, что он называл «гуманным», или «социальным производством», Оуэн созвал собрание в Глазго, куда пригласил местных текстильных изготовителей для обсуждения сокращения трудового дня рабочих. Однако, его предложения были отклонены. Видя, что здесь он поддержки не получит, Оуэн отправился в Лондон, где приблизился к некоторым членам правительства. Как он пишет в своей автобиографии: «Правительство благопрятно отнеслось по отношению к моим взглядам для облегчения труда детей и других рабочих, нанятых на развивающиеся предприятия королевства. Если бы я мог убедить членов обеих палат претворить законопроект в жизнь»¹⁵³. Однако, на деле все было не так, как рассчитывал Оуэн. Роберт Пиль, хоть и высказал некоторое сочувствие и

¹⁵³ Рабочее движение Великобритании XIX – XX вв. М., 1979. С. 22

поддержку его идеям, был очень последователен и не спешил выносить Билль на рассмотрение, тем самым, дав оппозиции возможность собраться с силами. В результате, после долгого и бесполезного обсуждения, продолжавшегося чтобы потянуть время, предложения Р.Оуэна были отвергнуты. Следующим шагом парламента в этом направлении было показать, что 14-15-часовой труд детей в перегретых комнатах, часто заполненных летающим волокном используемого материала, не был вреден для их здоровья. Роберт Пиль согласился на комитет, назначаемый с целью исследования этого вопроса и потребовалось две сессии парламента, прежде чем «эти мудрые и честные мужчины, издающие законы для страны, смогли признать, что такие условия были вредны для здоровья детей». Исследуя медицинские заключения, предоставленные в парламент по этому вопросу, можно прийти к выводу, что врачи, вызванные для дачи заключений, были буквально подкуплены производителями, насколько уклончиво они отвечали на вопросы, задаваемые комитетом. Тем не менее, это было закономерно и вполне ожидаемо. Однако сам факт того, что потребовалось опытное медицинское заключение, является наглядным показателем нежелания производителей согласиться на даже самые минимальные меры реформирования. «По вопросу 14 или 15 часового рабочего дня – вреден для маленьких детей, потребовалось заключение врача, – плохо или хорошо для их здоровья»¹⁵⁴.

Однако, несмотря на всю свою ограниченность, закон 1819 года, так долго выносящийся на рассмотрение, был принят. Из основных его положений можно отметить, что он фиксировал возрастной ценз девятью годами. Так же, закон запрещал любому человеку до шестнадцати лет быть нанятым на работу больше 12 часов в день, не включая перерыв на обед.

¹⁵⁴ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/>

Забегая вперед, можно сказать, что принцип шестнадцати лет совершенно не исполнялся фабрикантами. Неэффективность закона, как и закона 1803 года вытекала из организации контроля, которая как и прежде оставалась в руках судей. Поэтому, закон 1819 года был важен как подготовка фундамента для дальнейшего рабочего законодательства, в то время как его исполнение оставляло желать лучшего. Более того, часть производителей Основным доводом предпринимателей было то, что рабочие были не способны организовать свой досуг. Эта идея повторялась много раз не только относительно взрослых, но и детей, и фабриканты утверждали, что детям не пойдет на пользу любой свободный промежуток времени между работой и сном. «Весь предшествующий опыт доказывает, что ухудшение нравов рабочих увеличивается с увеличением их свободного времени. Таким образом, Билль фактически поощряет этот недостаток – он устанавливает безделье в соответствии с парламентским актом»¹⁵⁵.

Вскоре Закон 1819 года был дополнен и исправлен не в пользу рабочих. В результате этих поправок, фабрикантам разрешалось восполнять время, потерянное в результате какого-либо несчастного случая, или происшествия сверхурочной, или работой в ночное время суток. Так же, потеряло четкое закрепление обеденное время, разрешая производителям делать его в любое время между 11 и 16 часами. Нередки были случаи, когда обеденный перерыв и вовсе не соблюдался¹⁵⁶. Так, например в Манчестере обычный рабочий день был продолжительностью в 14 часов с 6:00 до 20:00. Большинство заводов оставляло рабочим только полчаса на обед, но детей часто задерживали во время этого перерыва, заставляя убирать оборудование, следовательно, они не получали ни смены обстановки, и что еще хуже, вынуждены были обедать прямо во время очистки оборудования.

¹⁵⁵ Selected speeches, ed. by T.E. Kebbel. - L. 1882. P. 234.

¹⁵⁶ Травельян Д. М. Социальная история Англии. - М., 1959. С. 326.

В 1825 году в Лондоне вышла анонимная брошюра «Часы либеральной партии. Время приема пищи и его районах» с подробным описанием условий труда вопиющем нарушении закона¹⁵⁷.

Под влиянием этой брошюры, в том же 1825 году в Закон 1819 года были внесены поправки, запрещающие работать людям до 16 лет больше 12 часов в день, не включая полтора часа на обед, всего 13,5 часов в день, что уменьшило средний рабочий день на пол часа. Обеденный перерыв должен был быть между 11 и 15 часами, а не 16, как было ранее. По субботам разрешалось работать не более 9 часов¹⁵⁸. Но опять же, поправки не предусматривали контроля их исполнения. Часто судьи, которые должны были контролировать выполнение поправок, сами были владельцами фабрик, или их родственниками. Поэтому, нельзя говорить о том, что принимаемые предписания в должной мере исполнялись.

Однако, в то же время, если работодателя обвиняли в нарушениях, он должен был доказать свою невиновность. Это наложение бремени оправдания работодателя было сделано по просьбе более крупных изготовителей, которые, под давлением общественного мнения, были готовы самостоятельно ввести 12-часовой рабочий день и не желали, чтобы другие производители конкурировали с ними, заставляя своих работников работать дольше.

Поправка 1831 года так же расширяла действие 12-часового рабочего дня на всех работников до 18 лет, вместо 16, как было прежде. Закон 1831 года, запрещал использование на хлопчатобумажных фабриках рабочих моложе 21 года для работы ночью, т. е. между половиной восьмого вечера и половиной шестого утра; кроме того он устанавливал на всех фабриках для рабочих моложе 18 лет рабочее время не более 12 часов ежедневно и 9 часов

¹⁵⁷ Айзенштадт М.П. Британия Нового времени. Политическая история: учебное пособие / М.П. Айзенштадт. – М., КДУ, 2007. С. 148.

¹⁵⁸ Там же. С. 149.

по субботам. Как было первоначально заявлено, законопроект должен был относиться ко всем текстильным отраслям производства, однако, это предложение встретило широкую оппозицию и было решено ограничиться только хлопкопрядильными фабриками¹⁵⁹. В то же время, рабочие не могли давать показаний против своих хозяев, не подвергаясь опасности увольнения, и потому закон не был эффективен.

В больших городах, где рабочие были менее покладистыми, наиболее крупные фабриканты приняли совместное решение подчиниться закону, но даже здесь оказалось немало таких, которые, по примеру фабрикантов в сельских местностях, вовсе с ним не считались.

Между тем среди рабочих распространилось требование десятичасового билля, т. е. закона, запрещающего заставлять молодых людей моложе 18 лет работать на фабриках больше 10 часов в день. Рабочие союзы путём агитации превратили это требование в общее требование всего фабричного населения, часть партии тори подхватили этот план и внесли его на обсуждение в парламент.

В защиту этого требования выступил английский экономист Майкл Сэдлер. В 1832 году он предпринял попытку провести Билль о 10-часовом рабочем дне, однако, был отклонен. Тем не менее, он составил отчет, который является одним из ценных зафиксированных свидетельств промышленного произвола. Основные положения этого отчета состояли в том, что дети обычно нанимались на изготовительные фабрики на такой же по продолжительности рабочий день, как и взрослые. Результатом во многих случаях были физическое ухудшение здоровья, полное отсутствие образования. Так же, он наглядно показал, что существующее законодательство является «почти полностью не действующим». Так же, он

¹⁵⁹ Новая история стран Европы и США 1815-1918 гг. Р. А. Чикалов, И. Р. Чикалова. - Высшая школа, 2005. - С.235.

писал, что сокращение времени на обеденный перерыв было постепенным явлением. «Раньше, на обед полагался час, но один великий изготовитель пожелал, чтобы его рабочие возвращались на пять минут раньше. Это сокращение времени было быстро принято на других заводах. Затем пять минут увеличились до десяти. Таким образом время было сэкономлено, больше работы было сделано»¹⁶⁰. Об итогах фабричных законов 1819, 1825 и 1831 можно сказать, что два первых совсем не соблюдались, а последний соблюдался лишь отчасти.

Следствием этого отчёта стал фабричный закон 1833 года. Он запретил применять труд детей моложе 9 лет, за исключением шелковых фабрик, установил рабочее время для детей от 9 до 13 лет в 48 часов в неделю, или не более девяти часов в день, а рабочее время для подростков от 14 до 18 лет в 69 часов в неделю, или не более двенадцати часов в день, ввёл обязательные перерывы для еды общей продолжительностью не менее полутора часов в день и подтвердил запрещение ночного труда для всех рабочих и работниц моложе 18 лет. Одновременно вводилось обязательное посещение школы в течение двух часов в день для всех детей моложе 14 лет, причём фабриканту под угрозой штрафа запрещалось принимать на работу детей без справки от фабричного врача о возрасте ребёнка и без справки от учителя о посещении им школы. За это фабрикант получал право еженедельно удерживать из заработной платы ребёнка 1 пенни на оплату учителя. Кроме того были назначены фабричные врачи и инспектора, которым предоставлялось право во всякое время являться на фабрику, брать у рабочих показания под присягой и вменялось в обязанность, в случае нарушения закона, возбуждать жалобу против фабриканта перед мировым судьёй. Результатом закона, и в частности назначения инспекторов, было сокращение рабочего дня в среднем до 12—13 часов и замена детей взрослыми по мере возможности. Тем самым

¹⁶⁰ Там же. С. 241.

были почти полностью устранены некоторые из наиболее вопиющих злоупотреблений¹⁶¹.

В то же время, в фабричных отчетах, можно найти достаточные доказательства того, что такие недомогания, как отёки ног, слабость и боли в ногах, в пояснице и в позвоночнике, расширение вен, язвы на конечностях, общая слабость, в особенности слабый желудок, склонность к рвоте, отсутствие аппетита, сменяющееся неестественным чувством голода, дурное пищеварение, ипохондрия, а также различные лёгочные заболевания, вызываемые пылью на фабриках, встречались также и на тех фабриках и у тех рабочих, которые работали в соответствии с законом сэра Дж. К. Хобхауза, то есть 12, самое большее 13 часов. Особенно показательны в этом отношении отчёты о фабриках в Глазго и Манчестере. «Эти заболевания не исчезли и после введения в действие закона в 1834 года и продолжают и до настоящего времени подрывать здоровье рабочего класса. Позаботились лишь о том, чтобы грубая жажда прибыли буржуазии приняла лицемерно-культурные формы, чтобы фабриканты, удерживаемые законом от слишком откровенных низостей, получили тем больше мнимых оснований самодовольно кичиться своей якобы гуманностью — вот и всё. Будь сегодня назначена новая комиссия для обследования фабрик, она нашла бы, что всё по большей части осталось по-старому».

Что же касается пункта об обязательном посещении школы, то оно в ряде случаев не имело никакого действия, так как правительство не позаботилось одновременно о создании хороших школ. Фабриканты нанимали потерявших трудоспособность рабочих и посылали к ним детей ежедневно на два часа.

В своих отчётах за октябрь и декабрь 1843 г. инспектора Хорнер и Сандерс сообщали, что в тех отраслях, где можно обойтись без детского

¹⁶¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/>

труда или заменить его трудом остававшихся иначе без работы взрослых, многие фабриканты заставляли работать 14-16 часов и более. Здесь работало особенно много молодых людей, едва вышедших из охраняемого законом возраста. Другие фабриканты прямо нарушали закон, сокращая перерывы, заставляя детей работать дольше, чем это разрешается; угроза судебного преследования их не останавливала, так как штраф, которому они могли подвергнуться, был слишком мал, по сравнению с теми выгодами, которые получали изготовители, заставляя рабочих работать дольше¹⁶².

Среди рабочих агитация за десятичасовой билль, однако, не прекращалась. В 1839 г. она вновь разгорелась, и вместо покойного Садлера в палату общин пришел лорд Эшли, а вне палаты Ричард Остлер — оба они были тори. Остлер, постоянно агитировавший в рабочих округах и известный там ещё во времена Садлера, был особенно любим рабочими. Они называли его «добрым старым королём», «королём фабричных детей». Остлер также энергично боролся против нового закона о бедных, за что был посажен в долговую тюрьму неким Торнхиллом из партии вигов¹⁶³.

Пришедшее к власти в 1841 г. правительство тори снова обратило своё внимание на фабричные законы. Министр внутренних дел сэр Джеймс Грехем в 1843 году внёс билль, который предлагал ограничить рабочее время детей 6,5 часами и усилить требование обязательного посещения школы; но главным пунктом в этом билле было требование устройства лучших школ¹⁶⁴. Однако, этот билль потерпел поражение из-за религиозного фанатизма диссентеров — противников официальной церкви: хотя для детей диссентеров обязательное обучение не распространялось на религиозное обучение, школы всё же были поставлены под надзор официальной церкви, и

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Рабочее движение Великобритании XIX - XX вв. / отв. ред.: Б. А.Рожков . – М. : Наука, 1979 . С. 75.

¹⁶⁴ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/>

так как библия являлась общепринятой книгой для чтения и религия тем самым делалась основой всего обучения, то диссентеры усмотрели для себя в этом опасность. Фабриканты их поддержали, рабочие были разделены церковной распрей и потому остались безучастными, и хотя оппозиция против билля не нашла поддержки в больших фабричных городах, как, например, в Солфорде и Стокпорте, хотя она в других городах, например, в Манчестере, из боязни перед рабочими решалась нападать только на некоторые пункты билля, всё же она собрала под своей петицией около двух миллионов подписей. На следующий год Грехем отказался от всех пунктов, касавшихся школ, и предложил, вместо прежних предписаний, ограничить рабочее время детей с восьми до тринадцати лет 6,5 часами в день, притом так, чтобы у них оставалось совершенно свободным или дообеденное или послеобеденное время; рабочее время подростков от 13 до 18 лет, а также всех женщин, он предложил ограничить 12 часами и кроме того ввести некоторые ограничения, которые сделали бы невозможным столь частый в то время обход закона. Едва только он выступил с этим предложением, как агитация за десятичасовой рабочий день возобновилась с новой силой. Число сторонников десятичасового билля в палате общин возросло, масса петиций, поступающих со всех сторон, доставляла ему новых сторонников, и 19 марта 1844 года, лорд Эшли большинством в 179 голосов против 170 добился постановления, чтобы слово «ночь» в фабричном билле понималось как время между шестью часами вечера и шестью часами утра; тем самым в силу запрещения ночной работы, рабочий день, включая перерыв, не мог превышать двенадцати часов, а не считая перерыва — фактически ограничивался десятью часами. Однако, в ходе голосования палата общин отвергла как десяти-, так и двенадцатичасовой рабочий день. Правительство утвердила этот закон только со второй попытки. Таким образом, предложение Грехема о 6,5 и 12-часовом рабочем дне для двух категорий рабочих получило силу закона, в результате этого, а также благодаря

ограничению отработки за простои (в случае поломки машины или недостаточной силы воды во время засухи или мороза) и некоторым другим, менее важным ограничениям, рабочий день, превышающий 12 часов, стал почти невозможным.

Только со времени фабричного акта 1833 года, опять же распространяющегося только на хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые фабрики, берет свое начало нормальный рабочий день для современной промышленности.

Закон 1833 года объявлял, что обычный рабочий день на фабрике должен начинаться в 5 часов утра и оканчиваться в 20 часов вечера. В пределах этого 15-часового периода закон разрешал пользоваться трудом подростков в возрасте от 13 до 18 лет, в какое бы то ни было время, однако при том условии, что одно и то же лицо этого возраста не должно работать более 12 часов в день, за исключением некоторых особо предусмотренных случаев. Пункт 6-й акта определял, «что в течение каждого дня каждому лицу с ограниченным рабочим временем должно предоставляться по крайней мере одного часа на еду». Воспрещалось применять труд детей до 9-летнего возраста; труд детей 9—13-летнего возраста стал ограничен 8 часами в день. Ночной труд, был запрещен для всех лиц от 9 до 18 лет.

В награду за то, что фабриканты игнорировали все изданные за последние 22 года законы о детском труде, парламент постановил, что с 1 марта 1834 года ни один ребенок моложе 11 лет, с 1 марта 1835 года ни один ребенок моложе 12 лет и с 1 марта 1836 года ни один ребенок моложе 13 лет не должен работать на фабрике более 8 часов.

«Законодательство одинаково необходимо в целях предотвращения преждевременной смерти, в каких бы формах она ни причинялась, а этот способ» (фабричный способ) «следует, конечно, признать одним из самых жестоких способов ее причинения».

Фабриканты вели агитацию, продолжавшуюся несколько лет. Она вращалась, главным образом, вокруг возраста категорий, которые под именем детей должны были работать не более 8 часов и подлежали обязательному обучению. Согласно капиталистической антропологии, детский возраст оканчивался в 10 лет или, по крайней мере, в 11 лет. Им действительно удалось убедить правительство, что в 1835 году парламент предложил понизить предел детского возраста с 13 до 12 лет. Однако, это предложение в конечном итоге было отклонено и акт 1833 г. вступил в полную силу. Он оставался без изменения до июня 1844 года.

Дополнительный фабричный акт от 7 июня 1844 года ставил под охрану закона новую категорию рабочих, а именно: женщин старше 18 лет. Женщины во всех отношениях были приравнены к подросткам: их рабочее время ограничено 12 часами, ночной труд воспрещен и т. д. Следовательно, законодательство впервые оказалось вынужденным подвергнуть непосредственному и официальному контролю также и труд совершеннолетних. В фабричном отчете 1844–1845 г. говорится с иронией: «До нашего сведения не дошло ни одного случая, когда взрослые женщины жаловались бы на это вторжение в их права». Рабочий день детей моложе 13 лет был сокращен до 6,5, и в некоторых случаях до 7 часов в день¹⁶⁵.

Чтобы устранить злоупотребления эксплуатации, билль прописывал следующее: «Рабочий день детей и подростков следует исчислять с того времени, когда хоть один ребенок или подросток начинает утром работу на фабрике». Фабрикант обязан был повесить на фабрике расписание, напечатанное крупным шрифтом, с обозначением времени начала, окончания и перерывов рабочего дня. Детей, начинающих свою работу до 12 часов дня, теперь нельзя было вновь заставлять работать после часа пополудни. Таким образом, послеобеденная смена должна была состоять не из тех детей, из

¹⁶⁵ Там же.

которых состоит утренняя. Те 1,5 часа, которые давались на обед, должны были предоставляться всем рабочим, находящимся под охраной закона, в одно и то же время дня, причем по крайней мере 1 час должен был предоставляться до трех часов пополудни. Дети или подростки не должны были работать до часу дня более 5 часов без перерыва для еды, по крайней мере, на полчаса. Дети, подростки или женщины не должны были оставаться во время перерыва для еды в фабричном помещении, в котором происходит какой-нибудь процесс труда, и т. д.¹⁶⁶.

1846–1847 гг. составляют эпоху в экономической истории Англии. Отмена хлебных законов, отмена ввозных пошлин на хлопок и другие сырые материалы, провозглашение свободы торговли путеводной звездой законодательства! Словом, наступало тысячелетнее царство. С другой стороны, чартистское движение и агитация за десятичасовой рабочий день достигли в эти же годы своего высшего пункта. Они нашли союзников в дышавших мезью тори. Несмотря на фанатическое сопротивление вероломной армии свободной торговли с Брайтом и Кобденом во главе, билль о десятичасовом рабочем дне, которого добивались так долго, был принят парламентом.

Новый фабричный акт от 8 июня 1847 г. устанавливал, что с 1 июля 1847 г. вступает в силу предварительное сокращение рабочего дня до 11 часов для «подростков» (от 13 до 18 лет) и для всех работниц, а с 1 мая 1848 г. — окончательное ограничение рабочего дня тех же категорий рабочих 10 часами. Во всем остальном этот акт был только некоторым изменением и дополнением к законам 1833 и 1844 годов.

¹⁶⁶ The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. – L. 1832 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=Uq0uAAAIAAJ&pg=PA154&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

Билль о десятичасовом рабочем дне ограничивал рабочее время подростков моложе 18 лет и работниц десятью часами в день. Так как женщины, подростки и дети составляли большую часть работающих на фабриках, то необходимым результатом являлось, что фабрики вообще могли работать только десять часов в день.

Таким образом, подходя к середине XIX, можно подвести определенные итоги борьбы рабочего класса на протяжении первой половины XIX столетия. С одной стороны, оставалось множество проблем. Нерешенным оставался вопрос о избирательном праве, трудовое законодательство, как будет видно далее, имело множество пробелов и еще только начинало свое становление. И все же борьба рабочих Англии не была напрасной и к середине XIX века они уже имели определенные завоевания, самым значительным из которых были профсоюзы – хотя и с определенными оговорками, уже к 60-м годам образовался британский конгресс тред-юнионов. Разрозненные и фактически бесправные в начале века, к середине столетия рабочие представляли собой класс, имеющий опыт в отстаивании своих прав.

Несмотря на нерешенность трудового законодательства и вопиющие нарушения уже принятых законов, невозможности отстоять свои права, опираясь на законодательные акты, все же первая половина XIX века представляет интерес в плане становления и заложения основ этого законодательства. Были приняты ряд законов, регулирующие труд рабочих на фабриках. По сравнению с первыми десятилетиями промышленного переворота, рабочим были сделаны существенные уступки. Были приняты законы, расширяющие права профсоюзов, предусматривавшие разрушение городских трущоб, улучшалось санитарное состояние городов, строились дома для квалифицированных рабочих, расширялись права рабочих в их отношениях с предпринимателями, сокращался рабочий день на предприятиях, предусматривалось улучшение условий труда.

Глава 3. Рабочее законодательство консервативной партии.

§1. Идеиная подготовка Б. Дизраэли к проведению рабочего законодательства.

Исследование положения рабочего класса к середине XIX века позволяет сделать вывод о том, что достижения трудового законодательства находились еще в самом начале своего пути. Несомненно, к этому времени рабочим были сделаны существенные уступки. Были приняты законы, разрешающие создание профсоюзов, расширялись права рабочих в их отношениях с предпринимателями. Кроме того, те постулаты, за которые трудящиеся боролись с начала века, в частности, сокращение рабочего дня до 10 часов, улучшение условий труда, ограничение детской эксплуатации – все это, несомненно, уже было достигнуто по сравнению с началом столетия. Однако основные достижения в области трудового законодательства приходится на 60-80 годы XIX века.

В исторической литературе эти достижения обычно связывают с деятельностью либеральной партии. И в самом деле, либеральная партия Великобритании в 60-80-х годах сделала много уступок рабочим, будь это билль о 10-часовом рабочем дне, или законы, расширяющие права профсоюзов. Но означает ли это то, что консервативная партия не интересовалась и не занималась трудовым законодательством и ее вклад не сравним с либералами? Мы полагаем, что это не так. Более того, можно утверждать, что еще в первой половине XIX века наиболее продвинутые лидеры консервативной партии стали задумываться над этой проблемой, что в конечном счете и подготовило партию к широкой полосе социальных реформ второй половины XIX века.

Наиболее значимую роль во внедрении в идеологию консервативной партии идеи о необходимости предоставления уступок рабочему классу сыграл ее будущий лидер – Бенджамин Дизраэли.

Еще в 1832 году в его ранних работах публицистического характера, выступлениях и речах достаточно ярко проступали идеи уступок и социального реформирования ради сохранения политической стабильности¹⁶⁷. Желание Б. Дизраэли изменить закон о торговле без урона сельскому хозяйству, интерес к рабочим, в частности, заинтересованность чартистами – это все те направления, благодаря чему рабочий вопрос займет достаточное место в дальнейшем в деятельности консервативной партии¹⁶⁸.

Еще в годы чартизма Дизраэли понял, что нельзя доводить рабочее движение до крайней точки кипения, так как это может в конечном итоге привести к революции. Наглядным примером в данном случае служила Европа. Едва став членом парламента, Дизраэли сразу привлек к себе внимание, произнося речи в поддержку чартистов¹⁶⁹. Поэтому, можно говорить о том, что уже в начале 40-х годов будущий лидер консервативной партии понимал, что необходимо идти на уступки рабочему классу.

То, что Дизраэли был недоволен политикой партии, к которой принадлежал, понятно из его деятельности в первые годы. Так, в 1839 году он выступал против нового закона, регулирующего положение бедноты¹⁷⁰, когда была отменена выдача пособия беднякам, не живущим в работных домах, и «испытание работного дома» стало обязательным для просителей общественной милостыни. Это не были рядовые выступления, так как

¹⁶⁷ Selected speeches, ed. by T.E. Kebbel. - L. 1882. P. 326-345.

¹⁶⁸ Трухановский В.Г. Дизраэли или история одной невероятной карьеры. - М., 1993. – С. 167.

¹⁶⁹ Monypenny W. F. The life of Benjamin Disraeli earl of Beaconsfield. - V. 1. - L. 1919. - P. 147.

¹⁷⁰ Selected speeches, ed. by T.E. Kebbel. - L. 1882. P. 348.

критикуя закон о бедных, он косвенно критиковал и тех, кто его поддерживал, т. е. руководителей своей партии. Поэтому, очевидно, что в те годы нельзя ставить знак равенства между идеями Дизраэли и руководством консервативной партии, особенно учитывая ее социальный состав, куда входили крупная промышленная буржуазия, еще не заинтересованная в каких-либо социальных уступках.

В 1840 году Дизраэли выступил против сурового обращения с руководителями чартистского движения¹⁷¹. Дизраэли обнаружил острое чувство политика, это выразилось в его глубоком интересе к жизни рабочих. Именно тогда он начал серьезно размышлять о том, как решить проблемы, каковы пути дальнейшего развития страны. Это нашло выражение в позиции, которую он занимал в парламенте, а также в его романах середины 40-х годов.

Наиболее выдающийся роман из этой серии — «Сибилл или две нации». Необходимо отметить, что литературное творчество Дизраэли в 40-е годы определялось объективными и субъективными условиями. Обращение к политической теме было связано прежде всего с тем, что в это время уже четко определились идейные установки Дизраэли. Вращаясь в высшем свете, закладывая там предпосылки для своего продвижения к власти, он, как могло бы казаться, не должен был «смотреть вниз». Но положение Англии, хотя это и был ее «золотой век», как утверждают историки, было отнюдь не «золотым». В парламенте и в обществе ходили выражения «положение Англии», «английский вопрос», под которыми подразумевались язвы английского общества. Наибольшую опасность для правящих кругов представляло продолжавшееся чартистское движение, несмотря на все усилия правительственных органов обуздать его. Конечно, при этом прибегали к типично английским методам: внесению в ряды чартистов

¹⁷¹ Там же. Р. 264.

раскола и — как крайнее средство — применению силы. Но игнорирование парламентом требований миллионных народных масс, выраженных в чартистских петициях, чрезвычайно накаляло атмосферу. Все это захватывало воображение Дизраэли. К этому прибавлялась его решимость твердо занять враждебную премьер-министру Пиллю позицию в парламенте, всячески дискредитировать его и мешать при проведении правительством любых мер, демонстративно голосуя против них. «Сибилл» не только содержит критику в адрес либеральной партии, политической системы, но и проникнут пристальным вниманием к чартизму, стремлением понять движение, что было непростым делом.

Роман «Сибилл» свидетельствует о том, что Б. Дизраэли сумел понять сущность социального строя Англии первой половины XIX в., что Англия состоит не из одних денди Вест-Энда и что трудящуюся Англию нужно тоже видеть и понимать. Появилось желание глубоко проанализировать политические проблемы, современную ему политическую жизнь Англии.

Кроме того, 40-е годы XIX века ознаменовались началом нового этапа в чартистском движении. Прослеживается зависимость роста активности в рядах чартистов от экономических кризисов и спадов, увеличивавших нищету низов населения. Когда экономическое положение улучшалось, активность чартистов снижалась. И наоборот. Дизраэли обладал достаточным здравым смыслом, чтобы понимать это.

Но несмотря на спад движения со временем, годы расцвета агитаций чартистов все еще были свежи в памяти, и их повторение было больше, чем вероятно. Следует признать, что это обстоятельство было главным мотивом, побудившим его заняться в романе положением народа. Автор основательно подготовился к изложению избранной темы, не полагаясь особенно на свое воображение. Он специально поехал в промышленные районы севера страны,

где пристально наблюдал за жизнью рабочих¹⁷². В предисловии к роману автор отмечал, что картины жизни рабочих в промышленных районах «он в основном рисовал на основании собственных наблюдений»¹⁷³. Затем ему удалось заполучить некоторые ценные материалы о чартизме. В палате общин у Дизраэли был друг — Томас Данкомб, с которым он поделился замыслом романа. И Данкомб добыл для него всю переписку Фергюса О'Коннора периода, когда тот редактировал орган чартистов «Норзерн стар». Это была переписка с лидерами и другими активными деятелями чартистского движения. Наконец, в распоряжении автора были так называемые «Синие книги» - доклады правительственных комиссий по изучению социальных проблем, и среди них детского труда. Многие дали и дебаты в парламенте по закону о бедных, закону о промышленных предприятиях и т.д.

В романе «Сибилл» сюжет очень прост. Автор выводит двух аристократов — Чарльза Эгремонта и лорда Мэйрни. Лорд — владелец богатого поместья, циничен, жесток, он свирепо эксплуатирует своих сельскохозяйственных рабочих и при этом считает, что им нужно быть довольными своей судьбой. Эгремонт — его брат — прямая ему противоположность. Осматривая руины аббатства Мэйрни, Эгремонт встречает там трех странников: Уолтера Джерарда, управляющего одной из текстильных фабрик, человека благородного, сочувствующего горю народа, стремящегося помочь ему, социалиста Морли и дочь Джерарда— Сибилл. Она — «символ великой идеи», представительница трудового класса, полна энергии и энтузиазма. Она стоит за народ, за нацию и за бедных, сочувствует их страданиям и жаждет им помочь. Все трое восхищаются добрым прошлым страны, любят его за его мистическую романтику и считают, что возвра-

¹⁷² Трухановский В.Г. Указ. соч. С. 199.

¹⁷³ В. Disraeli, M.P. Sybil or the two nations. – L. 1845 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/3760/3760-h/3760-h.htm>

щение к нему принесет народу справедливость и счастье. Эгрмонт, влюбившись в Сибилл, следует за ней и ее отцом в промышленный городок, скрывая свое истинное социальное положение. И с этого момента целью его жизни является любовь к Сибилл и исправление зла, причиняемого бедным; обе эти цели сливаются для него воедино.

Повествование построено на контрастах. Оно начинается с описания богатейшего, роскошного лондонского клуба, где собрались знатные бездельники, обсуждающие предстоящие скачки. Позднее им будет противопоставлена мрачная жизнь трудового народа в шахтерском поселке. Первая же встреча Эгрмонта с тремя странниками, как ее описывает автор, представляется самым важным эпизодом всего романа. Здесь мы находим гимн старым порядкам, возвращение к которым, по мнению автора, необходимо для решения всех социальных проблем, восхищение старой верой, которую необходимо восстановить в ее прежнем авторитете, и восхищение монархией и молодой королевой, которым необходимо вернуть отнятые у трона прерогативы.

Рассуждая обо всем этом, странники явно излагают программу «Молодой Англии». Кульминацией в романе «Сибилл» является беседа двух действующих лиц, обзирающих где-то в английской провинции руины величественного старинного здания. Один собеседник говорит о миллионах рабочих, усилиями которых возводились такие здания, а «их правители сосредоточили в руках немногочисленного класса сокровища мира, обладатели которых хвастают, что они первые среди всех народов, что они самые могущественные и самые свободные, самые просвещенные и высокоморальные, самые религиозные». Второй собеседник замечает: «...говорите, что хотите, но наша королева царствует над величайшей нацией, которая когда-либо существовала». «Какая нация? — спрашивает первый. — Ибо королева царствует над двумя...» И затем поясняет свою мысль: «Да. Две нации. Между ними нет взаимоотношений. Им неизвестны привычки друг

друга, мысли, чувства, как если бы они жили в разных районах земного шара или обитали на разных планетах. Они формируются различным воспитанием, питаются различной пищей, ведут себя по-разному и управляются различными законами». «Вы говорите?..» — нерешительно спросил второй. И первый ответил: «О богатых и бедных, представляющих две нации Англии»¹⁷⁴. Дизраэли показывает, что богатая английская нация паразитирует на груди и поте работающих англичан.

Роман открывается многозначительным эпиграфом — словами епископа Латимера: «В народе ворчат и говорят: «Никогда не было так много джентльменов и так мало благородства»¹⁷⁵. В обращении к «широкому читателю» автор заявляет, что целью книги является «показать условия жизни народа». Поскольку у читателя может возникнуть подозрение, что у автора есть склонность кое-что преувеличивать, Дизраэли считает необходимым сообщить, что «описания сделаны на основании собственных наблюдений автора; он надеется, что ничего не предположил такого, что не соответствовало бы истине, и в то же время он счел совершенно необходимым ограничить рассказ лишь тем, что является безусловно истинным». Автор заключает введение знаменательным утверждением, что «мы так мало знаем о положении нашей собственной страны»¹⁷⁶.

Роман содержит яркую критику, временами переходящую в сатиру, в адрес знати, и прежде всего той, которая является опорой виггов. И делает это Дизраэли с глубоким знанием предмета. Автор показывает, что вигская знать прибрала к рукам все престижные и материально выгодные должности, не обладая ни интеллектуальными, ни иными данными. «Они (представители семей виггов) блистали в больших посольствах в важных странах, имея у

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

локтя умных секретарей»¹⁷⁷. Как это часто бывает в жизни, высокопоставленный, но тупой начальник держится, паразитируя на способностях помощников. В данном случае такими помощниками были дипломатические секретари посольств. Автор замечает, что виги незаслуженно получали и огромные награды, и высокие титулы, тогда как «Нельсон, завоевавший Средиземное море, умер только в ранге виконта». Они в результате происходившей ранее в стране борьбы за гражданскую и религиозную свободу «приобрели обширные поместья и блестящие короны пэров, не говоря уже о том, что это гарантировало каждому из них полдюжины надежных мест в парламенте, в конце концов это обеспечивало им герцогские титулы». Но знать отвечала на все эти блага, что называется, черной неблагодарностью. Многие из них отмечены «неверностью своей церкви и предательством в отношении своего короля»¹⁷⁸, — заключает автор.

Дизраэли показывает такую семью вигов под именем Эгремонтов, которые отличались крайней бездарностью, но весьма преуспевали. «Ни один из них никогда не сказал ничего такого, что запомнилось бы».

Сверяя свои утверждения с английской историей, Дизраэли заявляет, что «в течение более шести десятилетий деятельности правительства исключительная коррупция сделала враждебными олигархии все сердца. Кстати, эта олигархия никогда не пользовалась особой симпатией у большинства народа. Уже нельзя было скрывать, что... власть перешла от короны к парламенту, члены которого назначались особой ограниченной группой, не ответственной перед страной, обсуждавшей дела и принимавшей решения в обстановке секретности. Они регулярно вознаграждались небольшой группой крупных фамилий, использовавших этот механизм для того, чтобы постоянно распоряжаться королевской казной. Нация

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

чувствовала запах разлагающегося вигизма»¹⁷⁹. При правлении Веллингтона опытные и умные люди «были изгнаны из правительства», а их места были заполнены неизвестными личностями, которые «ни при каких обстоятельствах не могли претендовать на что-либо большее, чем управление какой-либо колонией». «В конце концов его светлость герцог Веллингтон скорее бежал, чем ушел в отставку»¹⁸⁰.

Сам Дизраэли позже признавался, что раскрыл в этом романе положение народа. Автор убедительно рисует положение второй, трудовой, обездоленной Англии. Он делает это на примере жителей небольшого городка, расположенного в сельской местности Мэйрни (название вымышленное). Сильное впечатление производит описание условий жизни и работы жителей поселка при угольной шахте. Рабочий день под землей длится 16, а иногда и 20 часов. Работают мужчины и женщины, взрослые, подростки и дети обоего пола начиная с 5 лет. Их нещадно избивают, подвергают изощренным издевательствам. Это делается руками так называемых мастеров, вышедших из среды самих же рабочих. Такая жизнь доводит работающих до крайнего отупения, до полуживотного состояния. Многие из них забывают даже собственное имя и фамилию. «Сегодня в Англии больше рабства, чем когда-либо после завоевания ее норманнами»¹⁸¹,— эти слова Дизраэли вкладывает в уста одного из героев романа при описании поселка углекопов. Средняя продолжительность жизни этих обездоленных составляет, как утверждает автор, всего 17 лет. Он пишет, что «большая часть рабочего класса Англии существует на грани животного состояния... Их ничто не отличает от животных, если не считать, что мораль их еще ниже»¹⁸².

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Blake R. Disraeli. - L., 1966. P.221.

Помимо всего, в романе содержится призыв к старым порядкам, восхищение старой верой. Дизраэли пишет, что «чартисты... давно перестали делать различия между двумя партиями, которые ранее и теперь боролись за власть». В Англии «призрачные различия могла лишь стимулировать оппозиция с целью поднять шум и содействовать своей победе на выборах»¹⁸³. Все правители и правительства при всех радикальных различиях между ними клянутся народом, провозглашают, что их действия осуществляются от имени для блага народа.

Во многих местах романа — и в этом сказываются идеи «Молодой Англии». Дизраэли сожалеет по поводу того, что монархия не пользуется в XIX веке той реальной властью, которой она обладала в прежние времена. Она превратилась в символ, не имеющий реального значения, тогда как абсолютная власть была захвачена людьми, претендующими на то, что они являются слугами народа. В эгоистической борьбе группировок два важнейших фактора были вычеркнуты из истории Англии — это монарх и народные массы, ибо власть короны сократилась, а привилегии народа исчезли, и в конце концов королевские регалии превратились в декоративные атрибуты, а подданные короля опять дегенерировали в рабов. Эти сильные формулировки принадлежат автору романа.

Роман заканчивается обращением-призывом к молодым. «Я молюсь,— пишет Дизраэли,— чтобы мы дожили до тех времен, когда увидим Англию со свободной монархией, а народ процветающим и пользующимся правами. Я убежден, что эти великие перемены могут быть обеспечены только энергией и преданностью тех, кто сейчас молод. Мы живем во времена, когда быть молодым и быть безразличным нельзя. Мы должны готовиться к

¹⁸³ В. Disraeli, M.P. Sybil or the two nations. – L. 1845 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/3760/3760-h/3760-h.htm>

грядущим временам. Требования будущего содержатся в страданиях миллионов. Молодое поколение несет ответственность за будущее нации»¹⁸⁴.

1 мая 1845 г. Бенджамин пишет сестре: «Вчера закончил «Сибилл». Я думал, что никогда не закончу его... У меня никогда не было таких трудных четырех месяцев и, хочу надеяться, никогда больше не будет. Пришлось действовать в палате общин, что само по себе является полной нагрузкой для человека, и одновременно написать 600 страниц. Временами я боялся, что моя голова не выдержит»¹⁸⁵.

Таким образом, можно говорить о том, что к 1845 году политические взгляды Дизраэли вполне сформировались. Вступая в борьбу за место главы партии, он уже имел свою линию политики, которую он будет воплощать в дальнейшем, встав во главе правительства.

В романе 1845 года прослеживается то, что позднее войдет в концепцию Дизраэли «демократического торизма» - идея о том, что необходимо идти на компромисс с рабочим классом, делая политические и социальные уступки широким народным массам с целью налаживания с ними компромисса и привлечения их на сторону существующего строя, но реальное господство все равно принадлежало буржуазии. По мнению Дизраэли, «иначе выступления могут закончиться социальным взрывом, который сметет существующую систему. Поэтому, ради ее сохранения, нужно делать небольшие уступки»¹⁸⁶.

Так как, по мнению Дизраэли, основной задачей консервативной партии являлось сохранение существующего строя, в котором власть принадлежит буржуазии и землевладельцам, то необходимо идти на компромисс с рабочим классом. Поэтому, необходимо продолжать курс либеральных реформ, идти по пути либералов.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Selected speeches, ed. by T.E. Kebbel. - L. 1882. P. 352.

¹⁸⁶ Gorst H.E. The Earl of Beaconsfield. L.. 1990. P 97.

Но правящие круги Англии опасались, что получив избирательные права, рабочий класс, составляющий большинство избирателей в стране, использует их в революционных целях, для коренных изменений существующих порядков. Дизраэли же полагал, что если консерваторы будут выступать как «национальная партия», то этого не произойдет. Более того, он полагал, что английский рабочий класс обладает патриотизмом в той же степени, что и аристократия и буржуазия. Так, он говорил: «Английский рабочий класс горд тем, что он принадлежит к Великой стране, и намерен поддерживать и сохранять это величие. Он горд тем, что принадлежит к стране, обладающей империей, и полон решимости сохранить, если это будет возможно, эту империю»¹⁸⁷.

Поэтому, в период правления Дизраэли, в палате общин впервые появились два рабочих представителя Томас Барт и Александр Макдональд. В 1879 году Макдональд заявил, что консервативное правительство за пять лет сделало для рабочего класса больше, чем либералы за полстолетия¹⁸⁸. В данном случае имелись ввиду меры классового сотрудничества. Таким образом, расчеты Дизраэли оправдались.

Однако, здесь не стоит идеализировать. Все эти уступки были сделаны хоть и мирным путем, но все же, под давлением рабочего класса. Другое дело, что правящие круги сами осознали необходимость компромисса. И если в Европе в середине XIX века произошли ряд революций, то Великобритания в целом сумела избежать революционных потрясений благодаря политике лавирования. Цель этих реформ была ясна: предотвратить превращение рабочего класса в независимую политическую и тем более революционную силу.

¹⁸⁷ Monypenny W. P., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield. - L., 1910 – 1920. - Vol 2. P. 24.

¹⁸⁸ Трухановский В.Г. Указ. соч. С. 154.

Но в данном случае интерес представляет то факт, что консервативная партия под действием своего лидера перешла на рельсы реформирования. Это объясняется тем, что в XIX веке в значительной степени политика партии определялась позицией лидера. И хотя объективные законы не зависят от решений и деятельности отдельных лиц, на сколько бы высокое положение в обществе они не занимали, тем не менее, конкретный ход истории, интенсивность развития тех или иных тенденций, большая или меньшая цена, которую приходится платить народам за экономический и социальный прогресс, во многом определяется политикой ведущих политических деятелей. Если же лидер партии примет ошибочное решение, оно может существенно повлиять на судьбу партии, а при определенных обстоятельствах и на судьбу всей страны. В связи с этим особо важен тот факт, что Б. Дизраэли раньше чем многие представители консервативной партии сформировал вполне определенные взгляды на рабочий класс и на отношение к нему. В период формирования партии, формирования их политики особое значение имела позиция лидера, потому что она часто определяла курс партии в целом. Возглавляя консервативную партию, которая возникла в свое время как партия крупных землевладельцев, он сумел не просто приспособить ее к новым условиям, но и соперничать на равных с либеральной партией.

§2. Рабочее законодательство консервативной партии

60-80-е годы XIX века вошли в политическую историю Великобритании как годы реформ и значительных изменений во всех сферах жизни общества. Вторая парламентская реформа, проведенная консервативным правительством Дерби-Дизраэли в 1867 году под давлением набирающего размах широкого рабочего движения, почти удвоила электорат,

добавив к прежним 1.057.000 человек еще 960 000 потенциальных избирателей¹⁸⁹, мнение которых теперь нельзя было не учитывать. По всей стране начали создаваться и развиваться сложные организационные структуры консервативной партии, целью которых было завоевание симпатий новых избирателей, чьи голоса могли бы обеспечить победу на выборах в будущем. Однако, консервативная партия занималась рабочим вопросом отнюдь не только потому, что ей это давало какие-либо лишние преимущества в борьбе за власть с либералами, но и потому, что сама идеология консервативной партии предусматривала сохранение традиционного общества, расширение социальной базы. А все это было невозможно без широкой поддержки рабочего населения.

Во всех крупных городах рабочие составляли значительную часть того населения, на которое в результате новой реформы распространилось избирательное право. За их голоса активно вступили в борьбу между собой консерваторы и либералы, стремясь показать рабочим, что достойно защитить их интересы способна только одна партия - та, от имени которой они выступали.

Провал консерваторов на парламентских выборах в 1868 г. показал необходимость пересмотра подходов к предвыборной агитации. Самоуверенно полагаясь на благодарность избирателей за реформу 1867 года, консерваторы не попытались разъяснить им свою роль в деле ее проведения, в результате, все лавры достались их политическим соперникам. К тому же либералы, почувствовав конъюнктуру времени, максимально обыграли социальные вопросы в своей предвыборной программе, обещая рабочим целую серию масштабных реформ, что предопределило их победу на выборах. 20 июля 1839 года в Манчестере возникла Национальная чартистская организация,

¹⁸⁹ Новая история, 1870-1918. Под ред. И.С. Галкина, Н.Е. Застенкера, В.М. Хвостова. - М. 1973. - С. 96.

вскоре объединявшая уже 50 тыс. членов¹⁹⁰. Это была первая в истории страны массовая рабочая партия, возглавившая борьбу за допуск трудового народа к политической власти. Произошло размежевание побоевому настроенных чартистов и буржуазных радикалов. Была подготовлена новая петиция в парламент, содержащая важные социальные требования отмены закона о бедных, по которому обнищавшие люди помещались в работные дома, уменьшения налогов, сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы. Под петицией подписались 3300 тыс. человек. Эта вторая петиция также была отвергнута парламентом.

С 1868 по 1874 года функционировало первое либеральное правительство Гладстона. С большим или меньшим успехом его правительству все же удалось осуществить реформирование различных социальных сфер общества, несмотря на обвинения консерваторов в его неэффективности и непродуманности. Но принятые либералами законы в области рабочего законодательства были во многом противоречивы. По этой причине усилия Гладстона не вызвали чувства признательности со стороны рабочих, большинство из которых было явно недоволено изменениями произошедшими в их жизни.

В первую очередь, недовольство было связано с принятым в этом же году законом о тред-юнионах, который давал им легальный статус и возможность регистрации, но в то же время предусматривал строгие наказания за борьбу против штрейкбрехеров в любой форме, а также не защищал от угрозы применения против профсоюзов антинародного закона о подрывной деятельности. Кроме того, бездействие по улучшению условий труда трудящихся не добавляло либералам симпатии.

1872 год стал переломным в истории консервативной партии, когда программа Дизраэли «демократического торизма» была сформулирована, но не была четко оформлена в виде специального документа, что позволяло партии свободно маневрировать в дальнейшем. Изложение этой программы на практике началось с удобного случая, который подвернулся в виде

¹⁹⁰ Рабочее движение Великобритании XIX - XX вв. / отв. ред.: Б. А.Рожков . – М. : Наука, 1979 . С. 52.

масштабного сбора консерваторов на севере страны в Ланкашире. Воодушевленный внушительной демонстрацией сторонников, организованной партийными активистами, Дизраэли произнес 3 апреля в Манчестере речь, которая вошла в историю британского консерватизма.

Наибольший интерес вызвало его обращение к проблемам преобразований в области рабочего законодательства. 24 июня 1872 года лидер консервативной партии перед членами Национального союза консерваторов в лондонском Кристэл Пэлэсе подтвердил свою концепцию национального и народного консерватизма в произнесенной им речи, которая касалась широкого круга проблем британского общества. Фактически впервые принципы «демократического торизма» были озвучены здесь. Перед консервативной партией был поставлен ряд «великих задач»: сохранить национальную церковь, сохранить и укрепить роль монарха и палаты лордов и улучшить положение рабочих¹⁹¹.

Дизраэли обращался к рабочим для поддержки короны и церкви, взамен этого королева должна была улучшить материальные, церковь же - моральные условия народной жизни. Обеспечить это обоюдовыгодное взаимодействие должна была торийская партия, которая, как любил повторять Дизраэли, «.. .будет ничем, если не будет партией национальной. Это вовсе не конфедерация знати (как это было раньше) и вовсе не демократическая толпа, а партия, образованная из всех многочисленных классов населения»¹⁹².

Дизраэли прекрасно понимал, что социальный мир в обществе является гарантией той стабильности, которой добивались представители буржуазии и средних слоев, и потому для его поддержания он решил выступить за продолжение проведения регулируемых реформ рабочего законодательства,

¹⁹¹ Selected speeches, ed. by T.E. Kebbel. - L. 1882. P. 315.

¹⁹² Там же. С. 321.

интерес к которым в обществе значительно возрос за предшествовавшие годы.

Дизраэли считал, что консервативная партия имеет единственную и главную цель - «консервировать» существующую в стране социальную систему, в которой власть принадлежит землевладельцам и буржуазии, а рабочий класс является производительным и спокойным элементом в этой системе. Его покорность и согласие надлежало обеспечивать не подавлением силой рабочих выступлений, а социальными и политическими уступками, вырабатываемыми в результате компромисса, который достигался бы путем переговоров²³. Идея национальной партии, апеллирующей к гражданским, религиозным и патриотическим чувствам рабочих, должна была привлечь в стан консерваторов их значительную часть.

Дизраэли коснулся проблем здравоохранения, добавив к сказанному в Манчестере, необходимость охраны труда от чрезмерной эксплуатации. Эта охрана должна была выразиться в сокращении рабочего дня и облегчении физического труда. Лидер тори заверил своих потенциальных избирателей, что «пришло время, когда социальное и неполитическое улучшение есть та цель, которую они должны преследовать».

Во избежание проведения в жизнь более революционных проектов со стороны тред-юнионов или либералов, консерваторы вынуждены были перехватить эту инициативу из их рук, чтобы в будущем избежать неприятных неожиданностей, которые могли доставить им коренные преобразования в жизни общества.

К 1873 году либеральная партия оказалась в крайне неблагоприятном положении. В основном программа реформ, обещанных избирателям на выборах 1868 года, не была выполнена. Рабочие, оказавшие значительную поддержку на прошлых выборах либералам, глубоко разочаровались в правительстве Гладстона, справедливо считая принятие антирабочего и антипрофсоюзного законодательства предательством по отношению к ним.

Представители средних слоев и буржуазии были встревожены активизацией рабочего движения на территории Великобритании и далеко за ее пределами, и желали некоторого перерыва в процессе реформирования социальных сфер, инициированного либералами. Неудачная внешняя политика правительства Гладстона, в свою очередь, не прибавила ему популярности.

Так как реалии времени требовали от консерваторов более конкретных обещаний по проблемам социального реформирования. Дизраэли решил сосредоточиться на рабочем законодательстве, которым Гладстон пренебрег в годы бурного законотворчества его кабинета.

Результаты выборов, состоявшихся в начале 1874 г. превзошли все ожидания консервативного руководства. Впервые за треть столетия они принесли консервативной партии убедительную победу и прочное парламентское большинство: в новом составе палаты общин тори имели 351 место против 301 места у либералов и примыкающим к ним ирландских националистов¹⁹³.

Традиционно консерваторов поддерживали жители аграрных районов. Графства и города с населением менее 20 тыс. человек собственно Англии и Уэльса обеспечили им 60%, а графства Шотландии и Ирландии еще 10% мест. Из 187 мест от графств Англии и Уэльса тори завоевали 154 или 82.3%. В городах с населением более 50 тыс. человек консерваторы получили 44 из 114 мест или 38.5% (в 1868 году было соответственно 25 мест или 22%), что свидетельствовало о значительных успехах консерваторов в промышленных центрах с особой концентрацией рабочих избирателей¹⁹⁴.

Если рост популярности консерватизма среди буржуазии и средних слоев был вполне оправданным явлением, то оказание значительной

¹⁹³ Айзенштадт М.П. Британия Нового времени. Политическая история: учебное пособие / М.П. Айзенштадт. – М., КДУ, 2007. С. 47.

¹⁹⁴ Там же. С. 49-51.

поддержки консерваторам на выборах 1874 года со стороны рабочих и профсоюзных деятелей скорее следует считать не выражением доверия торийским идеалам и обещаниям, а знаком протеста против антирабочей политики кабинета Гладстона. В свою очередь, про представителей «пальмерсторианской» буржуазии также можно сказать, что они отдали свои голоса не столько за Дизраэли и консерваторов, сколько против Гладстона и либералов. Между туманным, пугающим своим радикализмом будущим с либералами и обещанным консерваторами возрождением величия прошлых лет они выбрали последнее.

Чтобы закрепить успех на выборах и расширить социальную базу партии, правительству Дизраэли требовалось подтвердить делами свои предвыборные обещания и доказать, что идея «торийской демократии» и классовой гармонии не очередная демагогия в духе предвыборной кампании, а серьезные и жизнеспособные консервативные принципы в действии.

Выборы 1874 года стали решающей вехой в истории отношений консерваторов и представителей рабочего класса. Рабочие избиратели, в основном отдавшие свои голоса за кандидатов от консервативной партии, вследствие разочарования антирабочей политикой кабинета Гладстона, заявили о себе как о самостоятельной политической силе, с которой теперь необходимо было считаться и консерваторам и либералам.

В то же время, нельзя сказать, что придя к власти у тори в отношении урегулирования проблем, волновавших трудящихся не было конкретного, хорошо продуманного и заранее подготовленного плана. Все реформы, осуществленные консерваторами в этой сфере, являлись скорее оперативной реакцией на текущие проблемы, что, впрочем, не помешало им разрешить их с большим успехом, чем это сделали либералы, будучи у власти.

Оставалось много проблем в сфере трудовых отношений. Промышленность, развивающаяся быстрыми темпами, требовала пересмотра старого фабричного законодательства. Необходима была и замена закона о

производителе и рабочем, регулирующем в прошлом отношения между работодателем и человеком наемного труда на более совершенный и современный, поскольку к 70-м гг. XIX он безнадежно устарел. В наследство от либералов торийскому правительству также осталась проблема легализации тред-юнионов, которые предъявляли верховной власти в стране следующие претензии: во-первых, рабочих не устраивал уже упомянутый закон о производителе и рабочем, поскольку, рабочий, нарушивший контракт с хозяином в одностороннем порядке, подвергался значительно более строгому наказанию, нежели его работодатель, совершивший аналогичное нарушение контракта со своей стороны; во-вторых, вольное толкование правоохранительными организациями поправок о преступной деятельности к уголовному кодексу (принятых в 1871 г. правительством Гладстона), порождало многочисленные злоупотребления с их стороны по отношению к попыткам тред-юнионов провести забастовки и мирное пикетирование; в-третьих, рабочие протестовали против узаконенного освобождения работодателя от ответственности, если на производстве происходил несчастный случай с одним из наемных работников вследствие небрежности другого наемного работника.

В свою очередь, общества взаимопомощи также привлекали к себе внимание правительства, которое должно было решить нелегкую задачу: с одной стороны, обеспечить государственное регулирование и контроль за поступлением и расходованием взносов трудящихся в эти общества, чтобы гарантировать их финансовую надежность и своевременную выплату страховых в случае болезни или старости вкладчика; с другой стороны, необходимо было установить пределы этого государственного вмешательства, чтобы не дать повода для развития идеи о всеобщем государственном страховании и ответственности государства за жизнь и здоровье застрахованных людей.

В числе первоочередных задач, которые стояли перед правительством,

находилось решение жилищных проблем рабочих крупных городов. Сделать это оно намеревалось путем расчистки трущоб, санитарное состояние которых давно уже не давало покоя ни городским властям, ни медицинским организациям.

В то же время наибольшую тревогу правительства вызывала ситуация, сложившаяся в торговом флоте. Возмущение общественности было накалено до предела тем фактом, что нередко недобросовестные владельцы, обуреваемые жадной наживы, посылали в плавание заведомо непригодные и обветшалые суда, подвергая тем самым опасности здоровье и жизнь членов экипажа.

Таким образом, круг проблем, требующих незамедлительного решения был широк и многообразен, что создавало для правительства консерваторов определенные трудности в деле их преодоления.

Первые шаги в усовершенствовании рабочего законодательства были сделаны консерваторами уже в 1874 году. Дизраэли еще не успел завершить формирование кабинета, как Кэллендер потребовал принять меры по введению 9-ти часового рабочего дня в текстильной промышленности, что казалось ему несравненно важнее, чем рассмотрение требований тред-юнионов. Оперативность правительства в этом вопросе позволила бы ему перехватить законодательную инициативу из рук либерального фабриканта Манделлы, который сражался за закон о 9-ти часовом рабочем дне в предыдущем составе парламента. Кэллендер писал, что подобный закон «усилит все, что мы говорим о политике консервативной партии - забота о здоровье и удобстве нации - не гнусная политическая агитация... он даст нам огромное влияние на многие годы вперед»¹⁹⁵.

Причины оттягивать решение данного вопроса у консерваторов

¹⁹⁵ 1845 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/>

действительно не было. Производители текстиля выказывали вполне очевидное неудовольствие возможности сохранения существующей 60-часовой недели. Ко всему прочему, расследование парламентской комиссии по местному самоуправлению завершилось докладом, в котором содержались рекомендации в пользу введения 54-часовой рабочей недели и повышения возрастного ценза при найме на работу в этой отрасли детей (чей рабочий день должен был составлять половину рабочего дня взрослых) и подростков на полный рабочий день.

За дело решительно взялся Кросс, активность которого в принятии рабочего законодательства много лет спустя побудила лорда Шефтсбери заявить, что «два миллиона человек этой страны должны бы благословить то день, когда м-р Кросс был приглашен на пост министра внутренних дел».

Прежде всего, Кросс позволил Манделле вновь изложить палате общин свой билль, а затем немедленно представил на ее рассмотрение собственный законопроект. Он предложил дать женщинам и детям, занятым в текстильной промышленности, рабочую неделю в 56,5 часов (вместо 54-часовой по плану Манделлы), и поднять возраст нанимаемых на половину обычного рабочего дня для детей с 8 до 10 лет, а нанимаемых на полный рабочий день подростков с 13 до 14 лет (в этом предложении у Кросса расхождений с Манделлой не было). Полчаса из 56,5 часов должны были использоваться трудящимися для профилактических работ с оборудованием по субботам.

Данный законопроект, как нельзя кстати, подходил текстильной промышленности, поскольку большинство работников, занятых в сфере этого производства составляли женщины и дети. В то же время на практике сокращение часов работы женщин и детей означало такое же сокращение и для мужчин, работающих в этой отрасли.

Законопроект без особых трудностей был одобрен обеими палатами парламента, хотя первоначально он вызвал нарекания рабочих представителей, с которыми правительство быстро уладило дело, и во время

обсуждения подвергся нападкам только со стороны либерала Фоссета. Серьезная критика из консервативных кругов прозвучала только со стороны производителя сукна из Йоркшира Старки, который полагал, что подобный закон снизит ценность собственности и ограничит доходы.

В целом, фабричное законодательство было благосклонно принято представителями обеих партий, а либерал Бакстер даже торжественно провозгласил, что оно явилось «дарованием рабочему классу этой страны безграничной выгоды». Представляется, что ближе к истине был К.Маркс, считая его «результатом длительной классовой борьбы, которая заставила государство официально признать проблему и сформулировать ее решение в выгодных для рабочих выражениях». Так или иначе, фабричный закон 1874 года явился социальной мерой реально воплощенной на практике правительством Дизраэли, которая имела, несомненно, положительное значение для трудящихся.

Работники других отраслей промышленности, основную массу которых составляли мужчины, видя изменение к лучшему условий труда на текстильных фабриках, были вправе рассчитывать, что аналогичные изменения коснутся в ближайшем будущем их предприятий, поскольку прецедент с принятием фабричного закона был создан.

Однако рабочих больше волновало насколько объективно и оперативно правительство подойдет к решению проблем, связанных с законом о производителе и рабочем, поправкой к уголовному законодательству относительно мероприятий тред-юнионов и законом о подрывной деятельности. В этой связи интересной представляется точка зрения известного публициста Ф.Гаррисона, который писал, что в отличие от французских рабочих организаций, как правило, объединявшихся на идеологической платформе и сражавшихся за свои политические идеалы, британские тред-юнионисты отстаивали возможность создания такого трудового законодательства, которое бы на практике эффективно

обеспечивало обоюдовыгодное сотрудничество рабочего человека и хозяина его предприятия в интересах производства и общества. Существующая система законов, касавшихся трудовых отношений, расценивалась ими как наследие феодализма, которое не соответствовало духу времени. К тому же оно нарушало главный принцип демократического общества - равенство всех граждан перед законом.

Программа «торийской демократии» предполагала изменения к лучшему в сфере трудовых отношений, вследствие этого, тред-юнионисты надеялись, что обещанные правительством реформы не за горами. Однако они были крайне разочарованы, когда Кросс предложил всего лишь создать комиссию для детального изучения вопроса. Парламентский комитет Совета тред-юнионов отказал этой комиссии в сотрудничестве, рассматривая ее создание как способ ловкого уклонения от немедленных действий¹⁹⁶.

В 1875 году комиссия опубликовала доклад, который не удовлетворил профсоюзы своими выводами. Несмотря на то, что его предложения касались пересмотра закона о производителе и рабочем в нужном тред-юнионистам направлении, в целом, он предлагал незначительные изменения в законе о подрывной деятельности и в поправке к уголовному законодательству. Однако к докладу было приложено особое мнение рабочего депутата А.Макдональда, который некоторое время участвовал в работе комиссии. Он предлагал полностью отменить поправку к уголовному законодательству, как и исключительные наказания в одностороннем порядке рабочих и их профсоюзные организации за нарушение контракта.

Кросс, объективно оценивая обстановку, остался недоволен докладом, поскольку понимал, что основанное на его выводах законодательство вызовет у рабочих чувство глубокого разочарования в правительстве. По этой причине министр принял решение проигнорировать доклад и сделать

¹⁹⁶ Там же.

независимые от его рекомендаций предложения, в большей степени отвечающих требованиям рабочих. Согласно версии Дизраэли, только его личное одобрение и поддержка помогли Кроссу преодолеть противодействие коллег, встретивших с неудовольствием его инициативу. «Когда министр объяснил свой план кабинету, многие были против него, а «за» никто кроме меня, только из уважения к премьер-министру решение было отложено до следующего дня. В промежутке вопрос был лучше понят и разрешен».

В июне 1875 года Кросс предложил на рассмотрение палаты общин два законопроекта - билль о работодателях и рабочих и билль о подрывной деятельности и защите собственности. Первый из них должен был заменить закон о производителе и рабочем. Согласно новому законопроекту нарушение контракта выводилось из сферы действия уголовного права, за исключением тех случаев, которые касались жизненно важных для населения служб газо- и водоснабжения и тех, где имела угроза человеческой жизни или наносился серьезный ущерб частной собственности. Столь спокойный отказ тори от старого закона о производителе был облегчен упадком в среде мелких производителей, чьим орудием в прежние годы он, главным образом, и являлся. Крупные же предприниматели и промышленники к 1875 году не видели необходимости рисковать ради сохранения этого закона, и, тем самым, осложнять свои взаимоотношения с трудящимися.

Второй билль вносил изменения в закон о подрывной деятельности таким образом, чтобы различные мероприятия тред-юнионов не попадали под его положения за исключением тех случаев, когда их действия могли квалифицироваться как уголовное преступление.

В основном Кросс удовлетворил большую часть требований тред-юнионов. Однако полностью разногласий избежать не удалось, поскольку он отказался отменить поправку к уголовному кодексу. Кросс мотивировал свое решение тем, что она не объявляет мирное пикетирование во время забастовки преступлением и, следовательно, в отмене не нуждается.

В палате общин оба законопроекта были одобрены. В пользу биллей высказались как либералы Манделла, Форстер, Элко и Лоу, так и рабочие представители - Макдональд и Берг. 16 июля 1875 г. Манделла, говоря о законе о подрывной деятельности, поблагодарил Кросса от лица трудящихся «за справедливое решение, которое удовлетворило представителей и работодателей и рабочих». Также он выразил уверенность в том, что «курс проводимой правительством политики способен предотвратить возобновление волнений по этому поводу». Пользуясь случаем, он сказал Кроссу спасибо за «настойчивость, деликатность и заботливое внимание, которое он оказал представителям рабочих»¹⁹⁷. В момент принятия этих законов мало кто, вслед за консерватором Ньюдгейтом, высказал опасение по поводу возрастающего влияния профсоюзов, и предложил, чтобы парламент взял под контроль их деятельность и сделал корпоративно ответственными за наносимый забастовками предпринимателям ущерб.

В целом, тред-юнионисты положительно восприняли усилия министра внутренних дел в этом вопросе. Секретарь парламентского комитета по делам тред-юнионов Джордж Хоувэл даже заявил, что Кросс «сделал больше, чем содержали в себе все требования последних конгрессов». Тем не менее, не останавливаясь на достигнутом, профсоюзы оказали сильное давление на правительство в целях полного урегулирования вопроса о пресловутой поправке к уголовному кодексу, чтобы убрать последнее препятствие, чинимое пикетированию.

К середине июля правительство пошло на уступки, и Кросс торжественно объявил об отмене поправки и введении в закон положений, легализующих мирное пикетирование. На волне всеобщего умиротворения и удовлетворения Дизраэли сказал королеве, что не помнит «такого количества важных и действительно популярных мер, подобных тем, что были

¹⁹⁷ Там же.

проведены в эту сессию». Лидер консерваторов был уверен, что рабочие законы 1875 года обеспечат его партии благодарность трудящихся на долгие годы вперед и тем самым позволят сохранить за тори завоеванные на выборах 1874 года позиции в больших и средних городах.

«Это - величайшая мера после закона о сокращении рабочего дня и она завоеует и сохранит для тори прочную привязанность рабочих классов», - писал он в 1875 году. Дизраэли, ликуя, заявлял: «...Это одна из тех мер, которые укрепляют и консолидируют партию. Мы разрешили давний и неприятный спор между капиталом и трудом».

Однако все было не так просто и радужно, как представлял себе это Дизраэли. Несомненно, законы Кросса значительно повысили авторитет консерватизма в среде рабочих. В то же время с их принятием тред-юнионы приобрели новый статус, свободу действий и значительное влияние на огромные массы трудящихся, что превращало их в самостоятельную политическую силу, с которой следовало постоянно работать, сотрудничать, а не почивать на лаврах рассчитывая на вечную благодарность за проведенную реформу.

Если в 1872 году конгресс тред-юнионов сумел собрать под свои знамена 375.000 человек, то конгресс 1874 года зафиксировал в своих рядах до 1.200.000 человек. Авторитет профсоюзных организаций существенно возрос, увеличился приток новых членов, многие из которых были склонны рассматривать принятие трудового законодательства как уступку власти под давлением рабочего движения, как результат упорной борьбы рабочих за свои права, а не как акт доброй воли правительства, милостиво дарующем своему народу облегчение условий жизни и труда.

1875 год в памяти современников остался как год наиболее плодотворной и напряженной работы консервативного правительства в области внутренней политики, когда реформирование затронуло практически все важные в этом отношении сферы рабочего законодательства. Принятие

рабочих законов было только одним из направлений бурной законотворческой деятельности парламентариев в этот год. На рассмотрение парламента было внесено 8 правительственных биллей, 6 из которых получили одобрение.

Одно из мероприятий правительства 1875 года касалось обществ взаимопомощи. Общества взаимопомощи, объединяя в своих рядах до 4 млн. человек, были более многочисленной организацией, нежели профсоюзы или кооперативы. В связи с этим важность решения вопроса об их финансовой стабильности не следует недооценивать. В общества были вложены огромные суммы, заработанных тяжелым трудом денег, и, в условиях полного отсутствия социального обеспечения, трудящиеся целиком зависели от них в случае болезни и старости.

К 70-м годам XIX века в Великобритании сложилась система государственной регистрации обществ, но многие из них не пользовались ею, к тому же она ничуть не способствовала их укреплению. Большое количество обществ взаимопомощи в финансовом отношении было ненадежным и в 1870 году либеральное правительство, исходя из серьезности ситуации, назначило специальную комиссию во главе с Норткотом.

Доклад этой комиссии, опубликованный только в 1874 году, отражал традиционное нежелание вмешательства государства в любых формах в дела обществ и их управление, а также содержал различные рекомендации, имевших характер благих пожеланий. Например, правительству предлагалось подготовить и опубликовать образцы таблиц страховых премий в качестве руководства для обществ, а также разработать положение о регулярной аттестации наряду с положением о ведении и аудите их счетов. Кроме того, рекомендовалось запретить страхование детей, поскольку, по мнению авторов доклада, это способствовало росту плохого и безответственного отношения к ним со стороны родителей.

К докладу был приложен представленный комиссии в декабре 1872 г.

«Меморандум о государственном страховании» группой, в которую входили архиепископы Кентерберийский и Йоркский, граф Шефтсбери и ряд членов нижней палаты парламента от обеих партий, включая таких депутатов из числа тори как Гейторн Харди и Склейте-Бут. Все они предлагали создать систему страхования по старости и болезни рабочих за счет взносов самих трудящихся под эгидой государства, осуществляя контроль за работой этой системы через почтовое ведомство.

Помимо предложений комиссии и упомянутого выше меморандума, вниманию парламентариев был предложен так называемый «доклад меньшинства», подписанный коллегой Норткота по комиссии, консерватором Хикс-Бичем, который утверждал, что для обеспечения стабильности обществ, правительству следует пойти на более решительные действия в решении этого вопроса, к. примеру, принять более активное участие в разработке приемлемых таблиц страховых премий, а не просто опубликовать их, как рекомендовалось его коллегами в другом докладе. Сделать это стоило, по мнению Хикс-Бича, не взирая на обвинения в том, что таким образом государство возложит на себя большую ответственность при вмешательстве во внутренние дела общества, чем хотелось бы членам правительства.

Вопрос о пределах вмешательства государства был сутью проблемы, связанной с обществами взаимопомощи. Традиционное отношение представителей буржуазных кругов заключалось в предельном ограничении этого вмешательства. По этой причине консервативное правительство полностью согласилось с докладом, и сразу же Норткот внес соответствующий законопроект. Однако многие его положения вызвали бурные споры, поэтому министры посчитали благоразумным отложить рассмотрение билля, а затем, после переработки, вновь внести его в 1875 году.

Подход Норткота к решению данной проблемы являлся типичным

воплощением индивидуалистской этики свободы и самопомощи. Он стремился к тому, чтобы просто оказать помощь этим обществам путем предоставления им полезной информации и составлением таблиц страховых сумм. В свою очередь, общества должны были публиковать статистические данные, позволявшие судить о степени их надежности и финансовой самостоятельности. Но даже столь малая степень государственного вмешательства не устраивала Кросса, который принимал участие в создании законопроекта наряду с Норткотом, и стремился избежать любого предложения насчет государственной ответственности за финансовую стабильность и надежность обществ.

Однако Норткот довольно активно защищал свою позицию от нападок: «Я думаю, что Вы сводите ответственность в данном случае на нет. Эти общества нуждаются в руководстве, и, если в нашей власти осуществить это руководство, то должны ли мы увилить от него только на том основании, что нам придется нести ответственность, если что-то будет не так? Если Вы хотите сказать: «Дело об обществах взаимопомощи является тем, во что государству не стоит вмешиваться больше, чем в какую-либо другую организацию рабочих», тогда отмените все свои законы в отношении этих обществ...уничтожьте все привилегии, которыми пользовались зарегистрированные общества, и пусть люди выкручиваются сами как могут... »¹⁹⁸.

Впрочем, не стоит заблуждаться в отношении серьезности разногласий между двумя министрами. Норткот всего лишь хотел научить людей помогать самим себе, но не больше. Подобно Кроссу он был решительно против обязательной регистрации обществ. Таким образом, закон 1875 года уменьшил права, предоставленные отделам регистрации обществ взаимопомощи по закону 1874 года. Помимо прочего, вводилось ограничение

¹⁹⁸ Там же.

размеров страховых сумм для детей до трех лет.

Законопроект навлек немало критических замечаний в адрес своих слабых сторон. Его недостаточный характер вызвал недовольство многих консерваторов. К примеру, Бартлот считал, что должны быть приняты более эффективные меры для защиты сбережений трудящихся и, по этой причине, потребовал усилить закон введением обязательной регистрации обществ, списков взносов и регулярных ревизий. Его поддержали представители обеих партий, однако, Норткот упорно противился проведению чего-то «похожего на гарантию обществам» со стороны правительства¹⁹⁹.

Ограничение детского страхования, в свою очередь, вызвало большое недовольство, особенно у рабочих северных районов, где общества взаимопомощи были широко распространены и имели огромное влияние, поскольку этот шаг правительства они расценили как оскорбление своего родительского достоинства. Важность и острота этого вопроса побудила Кэллендера обратиться непосредственно к Дизраэли. Он писал: «Если статья пройдет в ее нынешнем виде, то это окажет самое вредное воздействие на наше политическое будущее... возможно, почти все представители крупных избирательных округов, которые помогли нынешнему правительству прийти к власти, будут вынуждены перейти на сторону оппозиции. Я не преувеличиваю, когда говорю, что почти каждому нашему месту от городов Ланкашира будет угрожать опасность, если их представители проголосуют за эту 27-ю статью в ее нынешнем виде»²⁰⁰. Кэллендер надеялся, что «по крайней мере», 30 или 40 консерваторов выступят против нее. Его тревога не осталась без внимания, и правительство пошло на уступки, согласившись на увеличение страховых сумм для детей.

В окончательном варианте закон об обществах взаимопомощи

¹⁹⁹ Monypenny W. P., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield. - L., 1910 – 1920. - Vol 5. P. 67.

²⁰⁰ Трухановский В.Г. Указ. соч. С. 202.

представлял собой наглядный пример подчинения рабочего законодательства консерваторов тем идеям свободы и самопомощи, которые прежде более привычно ассоциировались с идеями классического либерализма.

Финансовая стабильность и благонадежность этих обществ являлись делом национальной важности, но идея о том, что правительство должно было их гарантировать, представляла собой предложение, которое ни Норткот, один из последних сторонников Роберта Пиля, ни Кросс, один из первых новых буржуазных консерваторов, не могли признать. Конечно, весьма ограниченной доли государственной ответственности они избежать не смогли, но от полного неприятия, предлагаемого Бартлотом и некоторыми его сторонниками, им удалось увильнуть, как в теории, так и на практике.

Таким образом, говоря о законодательной деятельности консервативного правительства, призванной разрешить основную массу проблем в сфере трудовых отношений, в рамках создания рабочего законодательства, правительство Дизраэли осуществило целый ряд социальных мероприятий, призванных подтвердить верность консервативной партии, данным во время предвыборной кампании обещаниям изменить к лучшему условия жизни и труда рабочего населения страны. Активная законотворческая деятельность правительства в этом направлении в первые годы пребывания у власти, и, как следствие, принятие значительного числа соответствующих законов, создает впечатление огромного практического значения проделанной консерваторами работы.

Социально-экономические перемены требовали реформы. Либеральная и консервативная партии, каждая по-своему, стремились откликнуться на веления времени. Если сравнивать рабочую политику консерваторов и либералов, то мы увидим, что за 60-80 годы, либеральным правительством Гладстона было проведено немало реформ. В частности, либералы сняли запрет с рабочих организаций, легализовали тред-юнионы и стачки (правда, наложив вето на пикетирование) и предложили снизить имущественный ценз

при выборах в палату общин. Усилиями консерваторов и правых в рядах либералов билль был провален. Наконец, актом 1871 г. были узаконены тред-юнионы; они получили права юридических лиц, могли открывать банковские счета и защищать в суде свои интересы. Однако возможности забастовки были ограничены запретом применять «запугивания» при пикетировании: термин допускал чрезвычайно широкое толкование и открывал дорогу штрейкбрехерству. И все это несомненно заслуга либеральной партии. Однако, при рассмотрении в те же годы рабочего законодательства консерваторов, становится ясно, что их роль в улучшении жизни трудящихся несколько не меньше либеральной партии. Начатая либералами вторая избирательная реформа была проведена в жизнь в 1867 г. консервативной партией, при чем, закон носил более радикальный характер по сравнению с проваленным ранее биллем Гладстона. Ценз оседлости был снижен до одного года, избирателями в городах стали налогоплательщики, вносившие за аренду жилища не менее 10 ф. ст. в год, в селах - фермеры и арендаторы даже с небольшим доходом. Число избирателей выросло вдвое, с одного до двух миллионов человек.

И хотя часть консервативной партии все же сомневалась в правильности этих уступок, граф Дж. Дерби даже назвал реформу «прыжком во тьму»²⁰¹, а три министра подали в отставку, маховик реформ был все же запущен. Были созданы примирительные суды для полюбовного решения трудовых конфликтов, расширено фабричное законодательство, рабочий день женщин и детей ограничен 10 часами, дети обязаны были посещать школу; муниципалитетам предоставлена возможность строительства жилищ для малоимущих; улучшена участь моряков торгового флота; приняты меры борьбы с антисанитарным состоянием городов, в 1874 г. в палате общин впервые появились

²⁰¹ Monypenny W. P., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield. - L., 1910 – 1920. - Vol 3. P. 145.

два их представителя. Дизраэли, соперник и ненавистник Гладстона, выступал партнером в этом процессе и кое в чем даже превзошел «народного Вильяма»: так, он снял запрет с пикетирования при забастовках. Господствующий класс Великобритании, независимо от партийной принадлежности, демонстрировал гибкость и способность к маневру на пути к общественному консенсусу.

В совокупности все эти меры показывали, что консерваторы всерьез озабочены созданием национального консенсуса на базе умеренных реформ и при сохранении почитаемых ими институтов - короны, пэрства и влиятельной не только в духовной среде церкви.

Заключение.

В середине XIX века во внутренней политике Англии, несмотря на завершение промышленного переворота и постоянно растущую мощь страны, рабочий класс находился в угнетенном состоянии. Отсутствие защиты от произвола, тяжелые условия труда, низкая заработная плата порождали социальное недовольство. Все это приводило к открытому выступлению против господствующих классов.

Казалось бы, аристократии нет никакого интереса делиться властью с рабочим классом и набравшей силу буржуазией. Однако, она идет на уступки. Начиная с 1832 года на протяжении нескольких десятилетий был принят ряд законодательных актов, предоставивших избирательные права буржуазии, а затем и рабочему классу. Это были принципиальные политические уступки состоятельных кругов. Они в сочетании с социальными компромиссами и обеспечили многолетнюю устойчивость английского государственного аппарата.

Реалии 60-80-х гг. XIX века заставили представителей консервативной партии задуматься о новых обстоятельствах развития экономики, политики, социальных проблем, и наконец о дальнейшей судьбе своей партии, таким образом, перед ними стояла задача обновления идеологических установок консервативной партии. К середине XIX века имущие классы начинают понимать, что если они не пойдут на компромисс, социальное недовольство вырастет до масштабов революции. Этого правящие круги допустить не могли. К тому же, наглядным примером была ситуация в Европе.

В такое беспокойное время приходит в политику Бенджамин Дизраэли, человек, который по сути оказал существенное влияние на политический курс консерваторов. Он, как любая талантливая и яркая личность, может вызывать противоречивые чувства. В любом случае, его безусловно следует признать одной из наиболее выдающихся политических фигур за всю историю Великобритании.

В значительной степени, в XIX веке политика партии определялась позицией лидера. И хотя объективные законы не зависят от решений и деятельности отдельных лиц, на сколько бы высокое положение в обществе они не занимали, тем не менее, конкретный ход истории, интенсивность развития тех или иных тенденций, во многом определяется политикой ведущих политических деятелей. Если же лидер партии примет ошибочное решение, оно может существенно повлиять на судьбу партии, а при определенных обстоятельствах и на судьбу всей страны. В период формирования партии, формирования их политики особое значение имела позиция лидера, потому что она часто определяла курс партии в целом. В связи с этим особо важен тот факт, что Б. Дизраэли раньше, чем многие представители консервативной партии сформировал вполне определенные взгляды на рабочий класс и на отношение к нему. Это ярко проявилось в его литературном творчестве, в частности в его знаменитом романе «Сибилл или две нации». Возглавляя консервативную партию, которая возникла в свое время как партия крупных землевладельцев, он сумел не просто приспособить ее к новым условиям, но и соперничать на равных с либеральной партией.

Так появилась программа «демократического торизма», призванная превратить консервативную партию в организацию, которая бы в той или иной степени представляла и защищала интересы всех слоев и групп британского населения. Эта программа базировалась на традиционных консервативных ценностях – стремлении к стабильности и порядку, сохранению позиций британской империи в мире, защите основных британских институтов (монархии, парламента и англиканской церкви). Ее идеи импонировали большей части представителей английской буржуазии, приток которой в ряды консервативной партии значительно усилился в эти годы. В то же время глубокие противоречия между предпринимателями и рабочими не позволили до конца воплотить на практике идею классовой

гармонии и объединиться в рамках единой партии. В результате, под знаменем консервативной партии постепенно начинает складываться блок правящего класса.

Как либеральная так и консервативная партии в 60-80-е гг. XIX века вынуждены были обратить гораздо больше внимания чем раньше на рабочий класс. Это было связано с тем что рабочий класс теперь представлял значительную массу избирателей. За избирателей надо было бороться, и это было гарантией сохранения политической власти. Социально-экономические перемены требовали реформ. Либеральная и консервативная партии, каждая по-своему, стремились откликнуться на веления времени.

Если сравнивать рабочую политику консерваторов и либералов, то мы увидим, что за 60-80 годы, либеральным правительством Гладстона было проведено немало реформ. В частности, либералы сняли запрет с рабочих организаций, легализовали тред-юнионы и стачки (правда, наложив вето на пикетирование) и предложили снизить имущественный ценз при выборах в палату общин.. Наконец, актом 1871 г. были узаконены тред-юнионы; они получили права юридических лиц, могли открывать банковские счета и защищать в суде свои интересы. Однако возможности забастовки были ограничены запретом применять «запугивания» при пикетировании: термин допускал чрезвычайно широкое толкование и открывал дорогу штрейкбрехерству. И все это несомненно заслуга либеральной партии.

Однако, при рассмотрении в те же годы рабочего законодательства консерваторов, становится ясно, что их роль в улучшении жизни трудящихся несколько не меньше либеральной партии. Придя к власти в 1874 году, Дизраэли буквально продолжает дело, начатое либералами. А именно, происходит улучшение условий жизни рабочего класса. Начатая либералами вторая избирательная реформа была проведена в жизнь в 1867 г. консервативной партией, при чем, закон носил более радикальный характер по сравнению с проваленным ранее биллем Гладстона. Ценз оседлости был

снижен до одного года, избирателями в городах стали налогоплательщики, вносящие за аренду жилища не менее 10 ф. ст. в год, в селах - фермеры и арендаторы даже с небольшим доходом. Число избирателей выросло вдвое, с одного до двух миллионов человек.

И хотя часть консервативной партии все же сомневалась в правильности этих уступок, маховик реформ был все же запущен. Были созданы примирительные суды для полюбовного решения трудовых конфликтов, расширено фабричное законодательство, рабочий день женщин и детей ограничен 10 часами, дети обязаны были посещать школу; муниципалитетам предоставлена возможность строительства жилищ для малоимущих; улучшена участь моряков торгового флота; приняты меры борьбы с антисанитарным состоянием городов, в 1874 г. в палате общин впервые появились два их представителя. В совокупности все эти меры показывали, что консерваторы всерьез озабочены созданием национального консенсуса на базе умеренных реформ и при сохранении почитаемых ими институтов - короны, пэрства и влиятельной не только в духовной среде церкви. Именно поэтому, объективно они мало чему уступают либералам.

В связи с этим, можно подвести итог, что, в Англии во второй половине XIX века господствующий класс, независимо от партийной принадлежности, демонстрировал гибкость и способность к маневру на пути к обществу консенсусу. Обе политические партии проводили политику либерального направления. Либералы и консерваторы смогли это сделать, сохраняя свою базу и одновременно расширяя ее.

Разумеется, все это было сделано не из-за любви к пролетариату. Скорее больше для сохранения политической систем. Однако, это было верное решение и время это показало.

По-настоящему партией, представляющей интересы рабочих, консервативная партия так и не стала – слишком далеки были друг от друга интересы трудящихся и представителей правящих классов. Но, тем не менее,

тори сумели найти точки соприкосновения с рабочим движением, и приспособиться к сосуществованию с ним во избежание возможных революционных потрясений. Эта система оправдывает себя до сих пор, позволяя консервативной партии Великобритании уверенно держаться на плаву в условиях развития современной социально-политической обстановки.

Список источников и литературы:

I. Источники:

1. Blake R. Disraeli. - L., 1966.
2. Monypenny W. P., Buckle G. E. The Life of Benjamin Disraeli Earl of Beaconsfield. - L., 1910 – 1920. - Vols 1 – 6;
3. Selected speeches, ed. by T.E. Kebbel. - L. 1882.
4. The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. – L. 1832 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://books.google.ru/books?id=Uq0uAAAAIAAJ&pg=PA154&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
5. Акт о народном представительстве. 1832 год// Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран /Под ред. З.М. Черниловского. - М., 1984 г. - С. 168 – 170
6. Акт о заговорах и защите собственности. 1875 год// Там же. - С. 119.
7. Акт о народном представительстве. 1867 год// Там же. - С. 170 – 172.
8. Акт о тред-юнионах. 1871 год// Там же. - С. 114.
9. Акт 1876 года, изменяющий акт о тред-юнионах 1871 года// Там же. - С.116.
10. Закон о рабочих коалициях. 1825 год// Там же. - С. 111.
11. Дневники королевы Виктории. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.queenvictoriasjournals.org

II. Библиография:

1. Айзенштадт М.П. Британия Нового времени. Политическая история: учебное пособие / М.П. Айзенштадт. – М., КДУ, 2007.
2. Айзенштадт М.П. Гелла Т.М. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. – М.: Наука, 1999.

3. Викторянцы: столпы Британской политики XIX века / Отв. ред. И.М. Узнародов. – «Экспертное бюро». – Ростов н/Д, 1996.
4. Виноградов В.Н. Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. - М., Наука, 2004.
5. Виноградов К. В. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. 2—е изд. Л., 1975.
6. Давидсон – Сесиль Родс и его время. – М.: Наука, 1984.
7. Джордж Рюде. Народные низы в истории 1730-1848. М. Прогресс 1984 г.
8. Ерофеев. Н.А. Очерки по истории Англии.1815-1917. М., изд-во ИМО, 1959.
9. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских 1825 – 1853. – М.: Наука, 1982.
- 10.История Европы – Т. 5. Гл. 1, 4,5,9.
- 11.Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. — М.: Высшая школа, 1979.
- 12.Кертман Л.Е. Дж. Чемберлен и его дети. - М.: Наука, 1990.
- 13.Лавис Э., Рамбо А. История XIX века/ Под ред. Е.В. Тарле. 2-е, доп. и испр. изд-е.— Т. 5. - М., 1928.
- 14.Моруа А. Карьера Дизраэли. - М. 1934.
- 15.Новая история, 1870-1918. Под ред. И.С. Галкина, Н.Е. Застенкера, В.М. Хвостова. - М. 1973.
- 16.Новая история стран Европы и Америки: Учебю для вузов/ И.М. Кривогуз, В.Н.. Виноградов, Н.М. Гусева и др.; Под ред. И.М. Кривогуза. – 3 изд., испр. – М.: Дрофа, 2003.
- 17.Мижув П.Г. Политическая история Англии в XIX веке – Англия конца XIX – начала XX века. - СПб., 1908.
- 18.Новая история стран Европы и США 1815-1918 гг. Р. А. Чикалов, И. Р Чикалова. - Высшая школа, 2005. - С.235.

19. Пименова Э.К. Политические вожди современной Англии и Ирландии. - СПб., 1904.
20. Рабочее движение Великобритании XIX - XX вв. / отв. ред.: Б. А. Рожков. - М.: Наука, 1979.
21. Рожков Б.А. Революционное направление в английском рабочем движении 50 гг. XIX в. - М., 1964.
22. Россия и Британия. Выпуск 3. В мире английской истории. Памяти академика В.Г. Трухановского / Отв. ред. А.Б. Давидсон. - «Наука». - М., 2002.
23. Советская историческая энциклопедия. - Т. 5. - М. 1934.
24. Травельян Д. М. Социальная история Англии. - М., 1959.
25. Трухановский В.Г. Дизраэли или история одной невероятной карьеры. - М., 1993.
26. Трухановский В.Г. Бенджамин Дизраэли и королева Виктория // НИИ. 1990. № 4.; № 5.

III. Интернет-ресурсы:

1. <http://hansard.millbanksystems.com/commons/> - Официальный отчет о заседаниях британского парламента 1803 – 2005 гг.